

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Оксана ПАНКЕЕВА

ДОРОГИ И СНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АМИФ-КНИГА

Хроники странного королевства

Оксана Панкеева

Дороги и сны

«Автор»

2010

Панкеева О. П.

Дороги и сны / О. П. Панкеева — «Автор», 2010 — (Хроники странного королевства)

Недолго продлилось победное шествие Повелителя по миру, из которого он когда-то был с позором изгнан и куда намеревался торжественно вернуться. Самые разные люди из нескольких миров объединились против новоявленного кандидата в боги. Старым волшебникам придется вспомнить молодость, юному ученику – повзрослеть, суровому вояке – поверить в чудеса, а агентам «лавочек» – нарушить кучу инструкций и предписаний. Король станет шпионом, а бард – магом-сновидцем... И их усилия не пропадут зря.

© Панкеева О. П., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	35
Глава 4	50
Глава 5	66
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Оксана Панкеева

Дороги и сны

Глава 1

Так кончился будейовицкий анабасис Швейка.
Я. Гашек

К Дэну Макс собирался зайти скорее по привычке, так как никаких реальных причин туда являться у него не было. Даже выражать сочувствие по поводу случившегося несчастья не требовалось, все было сказано еще тогда, в Лабиринте, когда всей семьей тащили Татьяну к выходу. Повидать Дэна и расспросить, как там дела, тоже проще было в Лабиринте или по телефону. Дома его нет, так зачем туда вообще заходить? Ну разве что Софье пару ободряющих слов сказать да проверить, не сперла ли малявка опять папины кости или еще какие ритуальные предметы, не предназначенные для шкодливых ручонки всяких недорослей.

К счастью, прежде чем идти, Макс догадался позвонить, а то явился бы к запертой двери. Наверное, Софья еще на работе, а мелкая вредительница Санька – в школе. Что ж, навестить их можно и позже, а сейчас, наверное, стоит связаться с эльфийским посольством и как-нибудь выковырять из норки господина Раэла. Чего он стоит в пространственном поиске, Макс не знал, но из всех знакомых эльфов только Раэл и Толик лично знали Диего, а Толик точно с зеркалами не дружил. Если Раэл хоть немного смыслит в поиске, уже стоит попробовать. Не откажет же он, если попросить...

Рельмо начал было разыскивать в закромах своего телефона ссылку на расширенный служебный справочник и вспоминать пароль от него, но тут словно что-то под руку его толкнуло, словно откуда-то свыше возникла неожиданная мысль проверить пропущенные звонки на домашнем стационарном коммуникаторе. Сам-то Макс никаких звонков не ждал, да и кто мог звонить ему домой, кроме автоматов коммунальных служб и виртуальных рекламщиков, если все знакомые знают, что его никогда там нет?

Оказалось, кто-то все же мог.

Санькин голосок звучал взволнованно и вместе с тем не по возрасту деловито:

– Дядя Макс, мне надо обязательно с вами увидеться, как приедете. Мы тут с Настей кое-что нашли такое, что нужно непременно вам показать. И желательно срочно, а то мы не знаем, что с ним делать, а Толик как пропал в начале месяца, так и не является. Позвоните мне сразу же, как получите это сообщение.

Вот тут-то и доползло до рассудка агента Рельмо то неуловимое бессознательное подозрение, которое он так и не успел осмыслить тогда, в гостях у Морриган. «Одна на Шелларова шута похожа, а вторая еще совсем дитя». Конечно, эта странная парочка не могла не показаться ему знакомой, ведь он хоть и не знал Настю лично, но видел их с Санькой вместе не один раз! И даже замечал, как она похожа на брата! Нет, что ни говори, а все же любят его боги! Если его догадка верна...

Он все еще продолжал заранее мысленно благодарить богов, а пальцы уже сами метались по кнопкам, вызывая оставленный Санькой номер. Школа там, уроки, ерунда всякая, наплевать, есть вещи посерьезнее...

– Ничего не говори по телефону, – быстро предупредил он, едва заслышав в динамике знакомый детский голосок. – Куда мне подъехать, чтобы поговорить без помех?

– Не маленькая, – непочтительно откликнулась племянница. – А вы на чем подъедете?

– На трамвае. Могу и на такси, если надо быстро.

– Тогда ждите в блинной напротив школы. Уроки закончатся через двадцать минут.

– А где твоя школа?

Санька объяснила и быстро отключилась – наверное, все-таки на уроке застал.

Полчаса спустя она сидела напротив него, болтая ногами, которые не доставали до полу с высокого табурета, и с усердием пылесоса тянула через трубочку что-то густое и шоколадное, периодически отвлекаясь, чтобы слизнуть сверху взбитые сливки, пока Макс обеспечивал конфиденциальность – глушил возможную прослушку и отводил глаза немногочисленным посетителям.

– Ты не могла выбрать место поукромнее? – раздраженно заметил он, оглядываясь на огромные окна, в которых они просматривались с улицы, словно на витрине.

– В заведения для взрослых меня пускают только со скандалом, – невозмутимо пояснила малявка. – А вы, как мне показалось, не хотите привлекать внимание. Уже можно говорить?

– Можно, – в последний раз оглядевшись, разрешил Макс.

– Дядя Макс, а скажите, как вы догадались?

– О чем?

– Когда вы звонили, то уже знали, что я хочу вам сказать. И даже знали, что это секрет.

– Ты что же, думаешь, я до встречи с тобой его не искал?

– Ага, значит, я угадала. Вы уже как-то выяснили, что мы нашли нашего неучтенного кузена, и приехали его забрать. Да?

– Примерно. Где вы его нашли?

– На кладбище. Мы с Настей стояли возле Лешкиной могилы, и тут вдруг происходит явление ненормального бомжа. Прямо из воздуха возникает оборванец в пляжных покрышках и претя по снегу босиком, пока не встречает лбом дерево. От этого неожиданного контакта с кладбищенской флорой он возвращается в нашу прозаическую реальность, и на лице у него отображается извечный вопрос «Куда я попал и где мои вещи?» Тут он замечает аборигенов, то есть нас с Настей, скромно прячет за спину руку с браслетами и идет на контакт. Настя, само собой, перепугалась, а я смотрю – да это ж наше, родное, нечто... Мы отвели его к дяде Вите, потом я смоталась к бабушке за «лютиком»...

– Стоп! – Макс предостерегающе вскинул ладонь, останавливая язвительное повествование малявки. – Это важно. Без «лютика» вы друг друга не понимали?

– С каких пеньков? Он же где-то в закрытых мирах рос! Или что-то не так?

– Нет, все верно, но тут могло быть два варианта...

– И что, в другом варианте он должен был нас понимать? – Санька оторвалась от трубочки и недоверчиво оглядела дядюшку. – Это как? Что-то вроде парадокса Чудновского, на основе которого работают «лютики»?

– Не «что-то вроде», а он самый, – проворчал Макс. Итак, на этот раз удача обошлась без двусмысленных шуточек. О переселении речь не идет, проблемы с легализацией отпадают. Технически все предельно просто – изловить Толика и вернуть пропажу домой. Но это на первый взгляд просто, а на самом деле проблема тут получается вовсе не техническая... – Ладно, не отвлекайся, чего не было, того не было. Ты отцу сказала?

– Нет, – качнула головой племяшка и нахально соврала: – Не успела.

– Сдается мне, ты не особенно и торопилась.

– Между этой встречей на кладбище и папиным отъездом мы не виделись...

– И это было не случайное стечение обстоятельств, а нахальное уклонение от общения со стихийным телепатом. Саня, я хоть и не телепат, но мала ты еще мне мозги утешить. Ты зачем-то отвела Диего к дяде Вите, хотя могла просто привести домой. Ты ничего не сказала папе и старательно избегала встречи с ним. Вопрос: что ты такого делала на кладбище, о чем не должен был догадаться папа?

– И вам это тоже незачем знать, – надулась Санька. – Могут у нас с Настей быть свои личные дела, которыми мы не хотим делиться со всей Семьей?

– И напрасно не хотите. Семья не ограничивается твоим папой, и в ней достаточно взрослых людей, которые смыслят в некромантии побольше твоего. И, что тоже немаловажно, умеют общаться с духами, не причиняя при этом вреда ни случайным прохожим, ни окружающей среде. Ты могла бы спросить меня.

– И вы б мне велели не лезть, куда не положено, – выдала очередную порцию яда маленькая паршивка и опять присосалась к своему шоколаду.

– Если ты пыталась дозваться Жака, то это совершенно бесполезно. Дух не придет ко мне так же, как не пришел к тебе.

– А почему? Дядь Макс, ну вот скажи как специалист, почему он не придет?

– Я уже объяснял, а ты пропустила все мимо ушей, полагая, что я тебя утешаю глупыми детскими сказками.

– Знаете, насколько я помню, ваше объяснение было туманным, уклончивым и больше чем на детскую сказку не тянуло. Версия про скопированную в сети личность и то интереснее, хотя тоже бред первосортный.

– Между тем это не сказка, а вполне реальное явление. Не все уходят... э-э-э... туда. Некоторые уходят в другие миры. Это, кстати, напрямую связано с тем самым парадоксом Чудновского, который ты упоминала. Думаешь, почему для меня так важен был вопрос, понимали ли вы друг друга без «лютика»?

– То есть если бы понимали, это значило бы... что он... покойник?

– Для своего мира – да. А для этого – нормальный живой человек.

– Насчет «нормальный» – это вы ему польстили, – невесело ухмыльнулась нахалка, не выпуская при этом трубочку изо рта.

– А он... ведет себя неадекватно?

– Дядя Макс, ну как вы думаете, может пришелец из другого мира вести себя адекватно? Настя его уже боится до смерти. Одна его битва с диким хищным пылесосом чего стоила! А охота на голубей с последующим расчленением и пожиранием?

– Постой, давай не будем путать неприспособленность к существованию в чужом мире и клиническую психопатологию. Разумеется, он не знает, что такое пылесос, не умеет пользоваться продуктовым терминалом, воспринимает диких животных как объект охоты и никогда в жизни не видел компьютера. Это естественно. Но при этом он сознает, где находится, помнит, как его зовут, может объяснить, как сюда попал?

– А, ну в этом смысле он все соображает, но как сюда попал – не помнит. Говорит, что провел пару недель в Лабиринте и очнулся только здесь, на кладбище. Чего он там в Лабиринте делал и как туда провалился – помнит, но не говорит.

– Как он себя ведет? Депрессии, суицидных намерений не замечали?

Плоская Санькина мордашка озарилась задумчивой подозрительностью.

– Да нет, – произнесла малявка, поразмыслив. – Неужели он нарочно мог нажраться сырых балабух? По-моему, все-таки и правда не знал...

– А позавчера что с ним случилось?

Санька вздохнула:

– У него каждый день что-то случается. Сначала он этих балабух наелся. Потом несвежих консервов. Потом сварил себе суп из городских голубей, и тоже как-то нехорошо ему после того было. Потом еще оказалось, что у него аллергия на помидоры... А вы что, чувствуете на расстоянии?

– Нет, но объяснять не буду, это касается служебных тайн. Что он вам вообще о себе рассказал?

– Практически ничего. Только упомянул, что у них там война, что он был в плену и что ему срочно надо вернуться, кое-какие долги отдать. Я так понимаю, кузен Диего на кого-то крепко сердит, и, когда он вернется, кое-кому не поздоровится. Очень уж нехорошо он смотрит, да и вообще он какой-то излишне агрессивный.

– Так, – вздохнул Макс, – понятно.

– Когда вы его заберете? Он нам уже, если честно, надоел со своими продовольственными проблемами. Я ума не приложу, чем его кормить...

Конечно, это было некрасиво, не по-мужски и даже, можно сказать, по-свински – взваливать на сопливых девчонок заботу о неуправляемом отпрыске, у которого к тому же проблемы с головой и с питанием. Но пустить его сейчас туда, куда он так рвется, дать в руки оружие неуравновешенному барду и бросить его в зону военных действий – все равно что самолично вручить веревку и мыло, да еще подходящий сук указать. Нет уж, один раз он отделался контузией и проклятием, больше может и не повезти...

– Я не могу забрать его сейчас. У меня нет возможности переправить Диего на родину так, чтобы никто ничего не узнал. А узнают – меня с работы уволят.

– Вы что, издеваетесь? – настороженно поинтересовалась Санька. – Дядя, крутите вы что-то, я ж чувствую...

– Саня, это личная просьба, и, даже если тебе кажется, будто я чего-то недоговариваю, тебе об этом лучше не знать, иначе придется потом обманывать Диего, а он может сообразить. Так что просто прими на веру – я не могу его забрать. Кстати, насчет работы это правда. Пусть Диего тихо сидит у дяди Вити... Ты что ему обещала?

– Что, как только появится Толик или ты, мы его сразу же...

– Вот и скажи, что ты со мной виделась, я обещал что-нибудь придумать, и продолжайте тихо ждать Толика. Я поворошу кое-какие старые знакомства, сделаю для Диего поддельный личный файл и медицинскую страховку на всякий случай, но все равно постарайтесь, чтобы он не мелькал и не привлекал к себе внимание. Концентратами его больше не кормите. Я дам вам доступ к своему счету, и пусть питается чем-нибудь съедобным и безопасным – только имейте совесть и не мотайте все, что там найдете, на пирожные, оккультные причиндалы и всякие компьютерные прелести, ладно? Твоим родителям я сам все объясню. Маме сегодня же, а папе – когда увидимся.

– Только не сдавайте меня папе!

Эта просьба была высказана жалобным девчоночьим голоском и даже сопровождалась демонстративным хныком, но хитрые глазенки ясно намекали: сдашь меня папе, дядюшка Макс, – я тебя тоже сдам с потрохами, и объясняйся со своим ненормальным сыном как хочешь. Ну как у таких доброжелательных и покладистых родителей могла вырасти такая стервочка?

– Конечно, не сдам, – утешительным тоном пообещал Макс, притворившись, будто намек не заметил, а печется лишь о душевном комфорте несчастного ребенка. – Разумеется, если только он не задаст мне прямой вопрос в Лабиринте. Тут уж, сама понимаешь, можно сказать правду или не ответить вовсе, но в любом случае...

– Но вы же не дадите ему повода задавать такие вопросы?

– Ни в коем случае. И еще я возьму на себя все формальности с регистрацией обнаруженного вами природного портала на кладбище. Ты ведь понимаешь, что вы обязаны были в тот же день о нем сообщить хотя бы собственным родителям? Такие места ставятся на учет и ограждаются, ведь кто-то может пострадать!

– Думаете, там портал?

– А сама ты как считаешь – почему там люди из воздуха появляются?

– Если честно, я подумала, Настю проглючило с перепугу.

– Ничего, я сообщу куда надо, а уж они там проверят. Ну так что, мы договорились?

Малевка важно кивнула – ей явно понравилось, что с ней договариваются, как со взрослой.

– Если случится что-то непредвиденное или неожиданно что-нибудь понадобится – звони мне. Если хочешь еще что-то узнать – спрашивай сейчас.

– Хочу, – тут же уцепилась Санька. – Как вы думаете, если и без того не совсем нормальный человек будет сидеть в четырех стенах неограниченно долгое время, не спит ли он там со скуки окончательно? Он же не может ни читать, ни по сетке общаться, даже то, что по монитору показывают, ему надо озвучивать голосом, а то не поймет.

– Ну он может слушать музыку. Он ее любит. Принесите ему кубиков каких-нибудь с мюзиклами, не знаю... Гитару ему купите. Бумаги пачку, ручек-карандашей... Это его займет на некоторое время. Главное – никакого оружия не давайте.

Санька снисходительно хмыкнула:

– Вы прикидываетесь или правда не в курсе, что ваш ребенок может превратить в оружие любой подручный предмет?

– Да я-то в курсе, но все-таки одно дело – кухонный нож, а другое – огнестрел или плазма...

– А, ну это вы сказанули... Откуда у нас с Настей серьезное оружие?

– У дяди Вити дома ничего не может валяться?

– Мы там прибирались. Да и Диего наверняка от скуки уже пошарился по всем углам, если бы что-то было – давно бы нашел.

– Хорошо. Что-то еще?

Мелкая помялась, словно подбирая слова.

– А вы больше ничего не хотите о нем рассказать? Не то чтобы я там лезла в ваши служебные тайны, но хотелось бы знать, с кем мы имеем дело и как себя с ним правильно вести. Сам он ничего о себе не говорит. Настя его боится, а я только на инстинктах, а они не всегда срабатывают... Никогда не знаешь заранее, что он воспримет нормально, на что молча обидится, а от чего озверевает...

– Хотелось бы... но все же промолчу. Ты-то еще ладно, в тебе цинизма на трех отставных наемников хватит, а вот Настя, если ей сказать, станет ходить вокруг него на цыпочках и излучать во все стороны сострадание. Причем не факт, что перестанет бояться. А Диего ничего вам не рассказывает именно для того, чтобы избежать вашего сочувствия. Он это ненавидит.

– Ну так я Насте ничего не скажу, пусть дальше боится.

– Нет, все равно лучше не надо. Просто попытайся ему втолковать, что здесь не принято убивать людей всего лишь за неосторожное слово или неуважительный жест. А хочешь узнать человека поближе – попробуй для разнообразия не дразниться, а поговорить по-человечески. Может, он и сам расскажет.

– Угу... – хмыкнула Санька и сделала закономерный вывод: – Значит, наш кузен, во-первых, достоин сострадания, а во-вторых, может убить постороннего человека за какую-нибудь ерунду. Миленько. Пожалуй, Насте этого и в самом деле знать не стоит...

На первый взгляд особняк принца-бастарда Элмара казался заброшенным. Исчез со своего места привратник, не шуршал в кустах садовник, хромоу варвар Илас не высунул любопытную физиономию из двери оружейной, да и сама дверь была крепко заколочена досками. Однако первое впечатление было обманчивым. Кухонная труба исправно дымила, а приблизившись, Ольга тут же сообразила, почему Пако еще у калитки начал шумно втягивать носом воздух, – аппетитный запах жаркого вечно голодный тролль учуял гораздо раньше человека. Чисто выметенное крыльцо, вымытые окна и мелькнувший в одном из них человеческий силуэт тоже свидетельствовали о том, что дом несомненно обитаем.

– Пойдем, Пако, не стесняйся. – Ольга заметила, что ее застенчивый спутник замедлил шаг, и потянула его за рукав.

Откуда у Пако взялась верхняя одежда с рукавами, она не помнила, да и не особенно четко представляла, зачем они вообще сюда пришли. Вроде бы искать Диего, но с какой стати он должен быть здесь?.. Спросить Элмара? Но ведь Элмара здесь тоже нет. Почему его нет и куда он девался – этого Ольга тоже не помнила, но откуда-то знала, притом совершенно точно.

– А может, я подожду здесь? – замялся Пако. – Я никогда не видел королей и не знаю, как с ними говорить...

Ах да, точно! Она пришла сюда увидеть короля! Как всегда – если не знаешь, что делать, и нужен полезный совет, лучше всего спросить его величество, он точно все знает. И он здесь. Почему он должен быть именно в доме Элмара, Ольга тоже не имела понятия, но была твердо убеждена, что именно сейчас его величество Шеллар находится в библиотеке. Он стоит у дальней левой полки, и в руках у него старая толстая книга с покосившейся башней на обложке. И он, как всегда, знает все и может ответить на любой вопрос.

– Оставь эти глупости! Его величество будет рад видеть тебя таким, как есть, и говорить с тобой, как тебе удобно. Он знаешь какой! Он... ну как твоя донья Эсперанса!

На стук никто не ответил – видимо, у кухарки что-то кипело и шкварчало, горничная трудилась где-то на верхних этажах, а очередного дворецкого в очередной же раз уволили. Из вежливости подождав с полминуты, Ольга толкнула незапертую дверь и вошла, поманив за собой Пако. В конце концов, она не к чужим людям пришла, можно и без доклада. Его величество не обидится.

Шеллар III действительно стоял у дальней полки, увлеченно черпая какую-то несомненно полезную информацию из потрепанной толстой книги. Ольга далее разглядела обложку – одинокая, похожая на минарет башня среди песчаных барханов.

– Здравствуйте, ваше величество! – радостно воскликнула Ольга, едва удерживаясь от того, чтобы броситься к нему с распростертыми объятиями – так она соскучилась. – Я пришла! Познакомьтесь...

Король медленно поднял склоненную над книгой голову и наконец удостоил гостью взглядом. Ольга в растерянности выпустила рукав Пако, коего намеревалась представить, и невольно умолкла. Что-то не то, не мог король так реагировать на возвращение пропавших друзей! Обрадоваться, удивиться, в конце концов – рассердиться на бестолковых и безответственных подданных, но не это!

Она никогда не видела короля таким – с окаменевшим лицом, словно он стиснул зубы покрепче и застыл в таком виде, и с пустым, ничего не выражающим взглядом. То есть не то чтобы его величество производил впечатление нетрезвого или больного на голову – он вполне разумно смотрел на Ольгу и, несомненно, ее видел, но взгляд его именно что не выражал ничего.

– Ну надо же, кто удостоил нас своим визитом! – насмешливо произнес неприятный гортанный голос откуда-то из-под потолка.

Ольга подняла глаза. На стремянке, у самой верхней полки, сидел недобитый птеродактиль и с издевкой пялился на нее своими разноцветными глазами.

– Здравствуйте... – растерянно произнес так ничего и не понявший Пако.

Король не шелохнулся.

Демон расправил крылья и упруго приземлился на мягкий пушистый ковер в полушаге от Ольги.

– Я подозревал, – все так же насмешливо продолжил он, крепко и больно сцапав ее за локоть, – что тролль, который попытается тебя съесть, либо подавится, либо отравится.

– Чтоб ты сам подавился и отравился! – выпалила Ольга, безуспешно пытаясь вырваться. – Пусти, гад!

Гад ухмыльнулся, оскалив уродливые акульи зубы.

– Думаю, есть тебя будет излишеством. Трупы у нас тоже в дело идут.

– Эй, а ну пусти ее! – Пако наконец опомнился и сообразил, что дорогую подругу вроде бы обижают. Гигантская туша, способная сшибить и затоптать лошадь, рванулась вперед, огромная лапища потянулась к обидчику...

Демон быстро вскинул руку, выкрикнул пару коротких слов и отступил на шаг.

Дикий рев огласил библиотеку. Могучий тролль упал как подрубленный и покатился по полу, не прекращая реветь и молотя лапами по охваченной пламенем голове.

Харган, продолжая ухмыляться и одной рукой удерживать Ольгу, повторил заклинание, на этот раз направив на грудь.

– Аккуратнее, господин наместник, – невозмутимо произнес неподвижный король. – В этой комнате полным-полно сухой бумаги. Да и ковер...

Ольга с воплем попыталась дотянуться пальцами до этих наглых, злобных, разноцветных глаз – если не выцарапать их, то хотя бы отвлечь убийцу от его жертвы, но демон оказался и сильнее, и проворнее.

– Не мешай! – повелительно бросил он и одним движением отшвырнул Ольгу от себя.

Она врезалась затылком в мраморную каминную полку и проснулась.

Затылок действительно болел, но совсем по другой причине. Ящик с реквизитом – не лучшая замена подушке...

Мальчишка принялся за дело с нормальным для юных мстителей энтузиазмом и невероятной для эльфа тщательностью. Два дня он сидел перед зеркалом, обложившись своими антикварными фолиантами, и пытался, по его собственным словам, «выплести правильную нить». Выглядело это довольно однообразно. Сначала недоученный волшебник внимательно что-то читал в течение десяти минут, затем несколько секунд водил руками перед зеркалом, после чего резко от него отшатывался, вполголоса ругался, и весь цикл повторялся сначала. Периодически огорчение от неудач сопровождалось ритуальным вздыбливанием прически, отчего к вечеру голова парнишки начинала походить на гнездовье полосатиков. Со стороны его монотонно повторяющиеся манипуляции с книгами и зеркалом производили впечатление тихого помешательства. Причем это не было Витькиным субъективным мнением – заглянувший на третий день за новостями убас Кетмень, понаблюдав за тружеником, с подозрением спросил:

– А он не двинулся, часом?

– Он же с вами здоровался, – напомнил Кангрэм, притворяя за собой дверь, чтобы не мешать эльфу своими разговорами. – Нет, когда он от этого дела отвлекается, то все нормально – людей узнает, говорит связно и от еды не отказывается. А эта хрень с зеркалом у него что-то не выходит.

– Я это понял по тону его комментариев, – ухмыльнулся убас. – А ты не спрашивал, зачем он взялся за то, чего не умеет, и не лучше ли ему попробовать что-нибудь попроще?

– Спрашивал, конечно. И меня даже не послали при этом. Дело в том, что находить вот таким способом знакомых ему людей он умеет. Но у него площадь поиска ограничена. До смешного – он даже квартал полностью не накрывает. Вот он и ищет способ это ограничение убрать. А то ведь правда – что бы что-то делать, надо сначала найти, где именно это «что-то» надо делать.

– Он хоть спит вообще?

– А как же. Когда у него магия иссякает, ложится спать. А потом просыпается – и опять за свое. Я уже почти привык и даже бояться перестал.

– А ты что, боялся?

– После того как он мне объяснил, что делать, если обнаружу его без сознания припавшим к зеркалу, я первые сутки только и делал, что заглядывал и проверял. Теперь привык.

– И долго он намерен вот так баловаться?

– Я так понял, пока не добьется результата.

– Послушай, я одного не понимаю. У него на родине полно взрослых образованных... э-э-э... специалистов. Он умеет перемещаться между мирами. Что ему мешает сбегать проконсультроваться или пригласить кого-нибудь на помощь?

– Ну пацан, что вы от него хотите! Героических подвигов ему подавай! Придут взрослые люди, знающие, что делать, отодвинут нашего героя в сторонку и займутся делом, а ему в лучшем случае – «подай-принеси», а худшем – «марш домой и не мешай». А он хочет все сам.

Убас мрачно пошевелил усами и недобро покосился на дверь.

– Не знаю, как ты, а я уж лет сорок как не пацан и не собираюсь влезать в авантюру балбеса, который ради своих детских амбиций готов поставить под удар успех всего дела. Сейчас он с этим зеркалом не сладит, а потом в самый ответственный момент в бою свой огонь не туда запустит? Мы тут не в игрушки играем и не для того все затеяли, чтобы он мог погеройствовать. Важен результат, а не его личное участие. Ты-то хоть это понимаешь?

– Я с ним поговорю, – пообещал Кангрэм. – Я тоже рассчитывал, что будет серьезнее...

– Вот и поговори. А то сначала все так красиво смотрелось, а теперь оказывается, что мы имеем дело с каким-то сопливым героем, который сам не может, а знающих людей позвать на помощь боится, потому что будет бледно выглядеть на их фоне. Детский блок, а не серьезная операция!

Мальчишку было по-человечески жалко, но и старик Кетмень был прав, как ни крути. И поговорить действительно следовало – хотя бы для того, чтобы правильно оценить ситуацию.

Выпроводив гостя, Кангрэм закрыл магазин на перерыв и скрылся в подсобке с твердым намерением отвлечь эльфа от экспериментов с зеркалом и поговорить по душам.

Отвлекать никого не пришлось – мальчишка сидел в своем кресле, сердито нахохлившись и забыв о зеркале, и явно размышлял о чем-то неприятном.

– Ты правда так думаешь? – с обидой в голосе спросил он, прежде чем Витька успел раскрыть рот. Вот уж расщедрилась природа, создавая этих ушастых паршивцев, – мало им дивной красоты и магических способностей, так еще и слух нечеловеческий!

– Ну если ты считаешь, что я думаю неправильно, – объясни, где я ошибаюсь, и я сразу же переменю свое мнение, – пообещал Кангрэм, присаживаясь напротив. Раз уж сказал – не отказываться же теперь от собственных слов. – Даже извинюсь, если хочешь, и объясню Кетменю, что был неправ.

– А что он хотел? Он чем-то был недоволен.

– Он увидел, что у тебя ничего не получается, и до него дошло, что ты не такой уж великий маг, как ему казалось. У него возник закономерный вопрос: почему ты в таком случае не позовешь на помощь старших, более опытных товарищей. Так что, я неправильно объяснил ему причину? Ты не хочешь обратиться за помощью к другим магам не потому, что тебе приспичило сделать все самому? Есть какие-то другие, более веские причины?

– Ну... не совсем... – Мальчишка пристыженно потупился. – Но я хочу сразить Повелителя сам не из геройства и не ради славы, а потому что у меня к нему личные счета!

– А как ты думаешь, у одного тебя в целом свете есть эти самые личные счета? Только тебе одному насолил этот бессмертный гад? Только у тебя погибли близкие люди, и ни у кого больше? С чего ты решил, что именно тебе должна достаться привилегия лично пришить Повелителя? Мне кажется, в вашем мире должно быть полно людей, которые имеют на это точно такое же право, как и ты. И среди них наверняка найдется пара-тройка твоих коллег. Вы могли бы сделать это вместе, но тебе непременно хочется самому, один на один, и твое «хочется» перевешивает все доводы здравого смысла. И скажи, это – по-взрослому?

Длинные девичьи ресницы эльфа задрожали, мордочка еще сильнее скривилась от обиды.

– А им ты скажешь то же самое, когда они решат, что прекрасно справятся без меня и я там буду лишним?

– А ты думаешь, струшу? Или так охренею от их величия, что слова вымолвить не смогу?

– Впрочем, тебя и спрашивать никто не станет... – грустно шмыгнул носом парнишка. – Как и меня. Я не знаю, честно...

– Что мне сказать убасу?

– Скажи, что все идет как надо. Пусть успокоится – если я увижу, что сам не справлюсь, обязательно кого-нибудь позову.

– А пока ты полагаешь, что справляешься? При том, что у тебя третьи сутки ни хрена не выходит?

– Сам не пойму почему. Ну ладно, раньше я не знал как. Но теперь, когда я спокойно и безнаказанно перерыл всю библиотеку мэтра Силантия и нашел-таки нужные книги, у меня все равно ничего не выходит! И нить вроде плетется как надо, и тянется, и я ее чувствую, а в какой-то момент вдруг – блямс! И как лбом в стекло! Может, это щит? Я понимаю, Повелитель сам еще может под щитом сидеть, но прятать под щитом пленников? Да и по-разному оно получается: когда ищу Жака, то этот самый «блямс!», а когда Кантора, то не добираюсь до конца нити. Она уходит куда-то дальше, а я...

– Вот смотался бы домой да и спросил у кого, – посоветовал Кангрэм. – А то ведь... это нам днем больше, днем меньше – особой разницы нет, а вот твоим приятелям, которые в плену...

– Я понял... – обреченно вздохнул эльф. – Если до завтра не пробьюсь, пойду к мэтрессе Морриган за советом. Пожалуй, ты прав – мне все равно придется к ней обращаться, не сейчас, так позже. Я ведь хотел еще разобраться, что такое Повелитель, а моих знаний по некромантии на это, боюсь, не хватит даже со справочниками... – Он окинул взглядом убогое жилище лавочника Морковки и добавил, прежде чем тот успел высказать что-нибудь похвальное и ободряющее: – Только я бы на твоём месте так не радовался. Или хотя бы сделал генеральную уборку. Если мэтресса увидит твой тараканий питомник, она его с перепугу спалит в целях дезинфекции.

Кангрэм обругал его ехидной ушастью заразой, но паутину по углам на всякий случай собрал. И пол помыл. В лавке. А в комнате он и так был чистый, только в понедельник мыли, что ж его – каждые три дня надраивать?

Рано утром следующего дня несчастный волшебник собрал часть своих манаток, уселся в кресло и отправился домой – сдаваться наставникам. Вид у него при этом был такой, словно он добровольно вызвался на принесение себя в жертву богам ради благополучия родного племени.

А всего через полчаса звякнул колокольчик в лавке, и взору агента Кангрэма предстала занятная компания, весьма экзотичная даже для выдавшего виды торговца.

Впереди твердой поступью уверенного в себе человека шагал молодой сероглазый мужчина в изрядно потрепанной мантии. Справа и на шаг позади семенила на четырех ногах симпатичная юная мутантка, взирающая на спутника с непреходящим ожиданием чуда в глазах. Слева опасливо выглядывал из-за плеча товарища плачевного вида парень, почему-то показавшийся Витьке знакомым.

– Что желаете? – автоматически приветствовал покупателей Кангрэм, отмечая про себя, что предводитель этой мелкой шайки по виду – чистокровный дикарь, но в то же время у него чуть ли не на лбу написаны не менее двух высших образований плюс три-четыре диссертации, его приятель одет в какую-то непонятную домотканую рвань, а ботинки хоть и пыльные, но качественные, фабричные, словно с патрульного снял, а девушка...

Додумать, что особенного в девушке, он не успел, так как мутантка вдруг восторженно воскликнула, пялясь уже не на спутника, а на самого лавочника:

– Повелитель Небесного Огня!!!

Сероглазый быстро повернулся к ней и что-то переспросил на языке, не запечатленном ни на одной из дорожек, после чего они с жаром принялись что-то обсуждать.

Витька тихонько отступил на шаг и щелчком сбил под прилавок компрометирующего таракана. Как уже упоминалось, он легко мог на слух отличить эльфийский от других знакомых языков, и сейчас странный северянин и четвероногая мутантка говорили именно на этом мелодичном наречии.

Парень в краденых ботинках приветливо улыбнулся и, видимо, чтобы довести бедного агента до окончательного лингвистического коллапса, произнес:

– Здравсте. Мы тут одного приятеля ищем...

На этот раз ни одна из дорожек даже не дернулась, ибо сказано было на чистом русском.

– Вы вообще кто? – ошарашенно произнес Кангрэм.

– Прошу прощения, мы немного отвлеклись, – тут же оторвался от дискуссии сероглазый, уверенно переключаясь на злосчастную седьмую дорожку. – Если я верно понял, вы приветствовали нас по-органски, значит, мы попали по адресу. Нам необходимо видеть вашего гостя, о котором здесь уже ходят легенды. Вы понимаете, о ком я. Молодой, миловидный, с длинными заостренными ушами...

– Вашу мать... – только и смог сказать Витька. – Вы ж мне «лютик» казенный запорете к шестиногим крокодилам!..

– Прошу вас, не надо нервничать, – ласковым тоном образцового психиатра утешил его предводитель. – Сейчас мы как-нибудь решим наши проблемы с языками и разберемся. Но прежде скажите – где все-таки Мафей?

– Он... он вот только что отбыл домой... Посоветоваться со старшими коллегами... Но обещал вернуться.

– Ага, значит, малыш освоил-таки перемещение между мирами. Самостоятельно. Какой все же талантливый ребенок, хоть и несколько безалаберный, как все эльфы...

– Ребята, – напомнил Кангрэм, – по-моему, если уж мы решили разбираться с самого начала, стоит, наверное, объяснить, кто вы такие.

– О, разумеется. Вот это, – сероглазый кивнул на спутника, – Жак. Мафей, наверное, упоминал о нем.

– Ни хрена себе – упоминал! Он тут все зеркало залапал, пытаясь его разыскать!

– О! – Парень просиял, как юный гражданин Конфедерации, получивший разрешение на брак. – У вас есть зеркало? Настоящее большое зеркало? Какое счастье, наконец-то мэтр перестанет ежеминутно ворчать о несовершенстве мира и всеобщей отсталости! И наконец-то мы найдем Кантора!

– А разве вы не вместе? – Витька невольно перевел взгляд на сероглазого, но вдруг вспомнил, что упомянутого Кантора мальчишка описывал как полностью недееспособного.

Нет-нет, это...

– Мыш, – перебил его спутник. – Просто Мыш, без церемоний. Так могу я воспользоваться вашим зеркалом? Жак объяснит вам все, что вас интересует, а я хотел бы скорее узнать судьбу наших друзей. Понимаете, я очень за них беспокоюсь... А Ллит пока присмотрит за вашей лавкой. Хорошо, милая?

– Конечно, я умею! – с радостью согласилась мутантка.

– Погодите! – спохватился Кангрэм, разобравшись наконец, что именно удивило его в этой девушке. – Как вы ее провели в город? Сюда же мутантов не пускают!

– О, это такие технические мелочи, что на них не стоит подробно останавливаться, – отмахнулся волшебник.

– Но если ее кто-нибудь здесь увидит...

– Выше пояса Ллит не вызывает подозрений, а ног за прилавком не видно. Не переживайте о пустяках, пойдемте скорей к зеркалу.

В отличие от бестолкового мальчишки Мыш несколькими точными прикосновениями заставил упрямую стекляшку просветлеть, и за пару секунд там нарисовалась картинка. Видимость была отменная, прямо как на мониторе. Искомый пропавший псих, как две капли воды похожий на коллегу Макса из службы «Дельта», сидел за подозрительно знакомым столом на подозрительно знакомой кухне и вполне вменяемо общался с маленькой чертовкой Санькой и ее подружкой.

– Не понял... – изумился Жак. – Если он все-таки притворялся, на кой его понесло в этот портал?

– Он не притворялся, – возразил Мыш. – Скорей всего, его просто успели вылечить, пока мы слонялись по пустошам.

– Послушайте, – не выдержал Кангрем, – псих он или притворяется, но объясните мне, мать его так, что он делает в *моей* квартире?

– С моей сестрой! – растерянно поддакнул Жак, изумленный столь невероятным обстоятельством.

Они переглянулись, потом дружно посмотрели на невозмутимого волшебника и столь же слаженно заткнулись, так как оба поняли, что сказали что-то лишнее.

По раскисшей весенней грязи медленно передвигалась та самая фантасмагорическая процессия, которую всего десять дней назад принц-бастард Элмар опрометчиво принял за остаточные последствия наркотического дурмана.

Впереди все так же вышагивал рыжий кот, пролагая дорогу следующему за ним кролику. Кролик с обреченным выражением на мордочке все так же катил перед собой черепаху. И все так же кружила над ними ворона, высматривая возможную опасность.

Медленно, но упорно животные двигались на север.

Долгожданная граница обнаружилась столь внезапно, что путешественники даже не успели понять, что произошло.

Рыжий кот вдруг споткнулся, обнаружив, что ходьба на четырех лапах стала несколько затруднительной, а его любимая иллюстрированная мантия это затруднение усугубила, ибо, наступив коленом на ее подол, мэтр Мельди все же ткнулся носом в грязь.

Условно белый (а фактически давно уже серый в черных пятнах) кролик, вытянувшись на несколько локтей вверх, чуть пошатнулся от неожиданности и споткнулся о черепаху. Та в свою очередь тоже изрядно увеличилась в размерах и утратила панцирь, зато обрела дар речи, коим поспешила воспользоваться, но предупреждения об осторожности были уже бесполезны.

Довершила кучу-малу несчастная ворона, которая не успела приземлиться и плюхнулась сверху на товарищей, раскорячившись не подобающим солидной даме образом.

...! – возмущенно выдала мэтресса Джоана, скатываясь с охающего мэтра Силантия. – Так и знала...! Чуть не убила с вами, ...!

– О, какой слог! – нашел в себе силы на комплимент неисправимый Мельди и с галантностью, максимально возможной для вывалинного в грязи человека, подал ей руку, чтобы помочь подняться.

Мэтр Ален, сидя в мелкой, но очень грязной луже, даже не делал попыток встать. Он хохотал – громко, заливисто, самозабвенно, задыхаясь и постанывая, не в силах вымолвить ни слова.

– Ох ты, незадача-то какая... – простонал мэтр Силантий, поднимаясь, чем вызвал новый приступ хохота у младшего коллеги. – Да ты, Джоана, не сама чуть не убила, ты нас чуть не убила... Вон Алену, похоже, по самому темечку досталось, так теперь и будет, сердешный, всю жизнь хихикать... Ну чего смешного-то?

– Ой, я не могу... – с трудом простонал Ален. – Ой, подождите... Дайте отсмеяться, я же целую луну в истерике валялся, а смеяться по-человечески не мог... Ы-ы-ы... Черепашка... Шарлотта... зоологи хреновы... натуралисты... Шарлотта... ой, я умру, коллеги...

– Если ты сейчас же не заткнешься, то в самом деле умрешь, – зло посулила Джоана. – Потому что я приложу тебя вот этим дрыном! Без всякой магии! Ибо у меня есть на то масса причин, но хватит и плохого настроения!

– Молчи, ворона-маньячка! – еле выговорил Ален, захлебываясь от смеха. – Ой, это выше моих сил... бедное дитя так рассчитывало, что ты еще и яйца отложишь... И... маленьких черепашат...

– Стыдился бы, что твои воспитанницы самку от самца отличить не могут! – с упреком произнес мэтр Силантий. – О размножении человека, поди, успел просветить, а определить пол обычной черепахи болотной...

– Действительно, мэтр, вставайте уже, потом насмеетесь, – посоветовал Мельди, старательно пряча ухмылку. – Мы все промокли и устали, а здесь холодно, сыро и ветер... Хвала богам, теперь мы можем телепортироваться в любое место севернее этой точки, так что не стоит терять время и приобретать простуду.

– Ой... сейчас... Ну погодите же минутку, господа, если я не отсмеюсь здесь, мне придется поделиться весельем со всеми встречающимися...

– А давайте его здесь оставим, – предложила Джоана. – Успокоится – сам доберется.

– Не надо, еще потеряется, а мы виноваты будем. Я же королевский служащий, с меня потом спросят! Довольно того, что мы прошли мимо Элмара, когда он, возможно, нуждался в нашей помощи...

– Это когда? – удивленно переспросил мэтр Силантий.

– А, ты, как всегда, ничего не видел со спрятанной в панцирь головой, – раздраженно отозвалась мэтресса. – И что-то я не понимаю, как могут помочь при похмелье кролик, кот и черепаха.

– И ворона-маньяк! – добавил Ален, продолжая истерически подхихикивать.

– Давайте-ка я кой-кому веселье-то подпорчу, – неодобрительно проворчал старый помощник. – И скажу, не боясь обидеть, что кой-кто здесь – две дубоголовые бестолочи, и мозгов у них в совокупности меньше, чем у одной землеройки. – Он покосился на удивленного Мельди и добавил: – Тебя, юноша, это не касается, ты к нам позже прибился. А эти двое... Ох, молодежь пошла нынче... Простых путей они не ищут, им подвигов подавай да преодоление трудностей! В королевском обозе под охраной ортанских паладинов им путешествовать неинтересно, им бы по грязи, по кустам да по буеракам, чтобы волки, да лисы, да лихие люди со всех сторон... А уж покатай старика Силантия так, чтобы у него всю дорогу голова кружилась, – это и вовсе святое дело!

Ален перестал смеяться и смущенно пояснил:

– Да мы потом тоже догадались, но поздно было...

– И не пытайся нас убедить, что ты догадался раньше! – добавила Джоана. – Что-то я не помню, чтобы ты упирался, когда мы тебя из клетки доставали!

– Разве? – Озадаченное выражение лица Силантия свидетельствовало, что рассеянный придворный маг обо всем том уже забыл. – Ну да ладно, коль все, кроме меня, тут нынче бездомные, милости прошу в Белокамень.

Мэтресса Морриган сегодня была прекрасна как никогда. Мафей даже задумался на миг – как он до сих пор не обращал на это внимания? – и тут же сообразил: в глубокой печали мэтресса ничуть не напоминала ни суровую училку, ни стервозную красотку. Теперь в каждом взгляде светилась кроткая романтическая грусть, в каждом взмахе бледных рук, обрамленных широкими ниспадающими рукавами, сквозила грациозная незащищенность, и вся хрупкая

фигурка волшебницы, обтянутая неизменным черным платьем, представляла миру одну из тех классических девиц, которые всегда в беде и нуждаются в спасении.

Такой она нравилась Мафею больше, хотя он все еще затруднялся представить себе молодых Морриган и Истрана на романтическом свидании.

Более того – мэтресса даже словом не упрекнула его за позорное бегство, неэтичное копание в чужих вещах и совсем уж криминальное хищение кресла. Напротив, внимательно выслушала и без единого ехидного замечания разъяснила все непонятности.

– Кантора ты не сумел найти, потому что он находится в другом мире. Я сама нашла его на днях, а мэтр Максимилиано как-то с ним связался по моей наводке и выяснил, что там все в порядке. Даже можно найти способ вернуть его домой. Что до твоего «блямс лбом в стекло», то именно так и чувствуются при поиске щиты. Ты не смог увидеть Жака, потому что он прикрыт.

– Но тогда выходит... – Мафей озадаченно захлопал глазами, – выходит, что они не вместе?

– Совершенно верно. Как это получилось – можешь не спрашивать, вариантов масса. Лучше расскажи подробнее, как тебе удалось отыскать мир, где обитает Повелитель?

– Оказалось, я с самого начала в нем и находился, только не знал об этом, пока местные жители не упомянули этого злодея в моем присутствии! Он ведь и там тоже всем нагадить успел, и там точно так же не знают, что с ним делать. Получается, он в мире единственный маг, да еще и бессмертный... как бы... я не знаю точно насколько, но говорят, что абсолютно. Мэтресса Морриган, а бывает хотя бы теоретически абсолютно бессмертная нежить?

Волшебница едва заметно качнула головой:

– Даже высший лич, возможность существования которого до сих пор не доказана, теоретически может быть упокоен. Правда, это будет несколько проблематично, ибо ни один разумный маг, будь он простой лич или высший, не станет хранить свой филиakterий в легкодоступном месте, но все же...

– А вы могли бы определить точно, во что он превратился и насколько оно смертно?

– Если бы у меня была возможность его изучить – несомненно. Но насколько я понимаю, такой возможности у нас нет. Если ты даже Жака найти не смог, то Повелитель тебе и подавно не по зубам.

– Верно, – через силу согласился Мафей, напомнив себе, что за этим он и пришел и не время сейчас ломаться и строить из себя крутого. – Мне нужна ваша помощь. Драться я умею, но этого мало. С пространственным поиском у меня проблемы, а в некромантии я полнейший невежда. Сам я не смогу разобраться, что такое Повелитель и как его прихлопнуть.

– Уж точно не мухойкой, – чуть улыбнулась мэтресса Морриган. – Боюсь, это тебя ужасно расстроит, но твое заявление касательно умения драться кажется мне... скажем так, неосознанным преувеличением. Ты ценен не как боец, ибо боевой маг из тебя пока что весьма посредственный. Твоя важность и незаменимость заключается в том, что из нас всех ты единственный способен перемещаться между мирами. Без тебя ни я, ни любой другой из наших коллег не сможем ни попасть туда, ни вернуться обратно. И я попрошу тебя накрепко запомнить последнее, чтобы мне не приходилось об этом напоминать всякий раз, как тебя охватит желание совершить какой-нибудь великий подвиг.

– Пока что ни о подвигах, ни вообще о битвах речь не идет, – уклончиво ответил Мафей, решив не тратить силы на теоретические споры раньше времени, но в последний момент, когда дело уже действительно дойдет до сражения, упереться и стоять на своем до конца. – Мы даже не знаем, с чем имеем дело и что от нас потребуется. И для начала хорошо бы хоть в этом разобраться.

– Маленький хитрец. – Мэтресса понимающе усмехнулась и взглянула на огромные часы, подозрительно напоминающие гроб. – Что ж, раз ты приглашаешь меня прогуляться в соседний мир, полагаю, мне следует переодеться и предупредить Элвиса. Это займет не больше часа.

– Да... – Мафей замялся, не зная, как бы потоньше намекнуть на некоторые нюансы предстоящего путешествия. – Вы оденьтесь как-нибудь... ну попроще... Там... словом, там очень грязно.

Мышь оторвал взгляд от зеркала и оглянулся:

– Интересно, что можно сделать с этим помещением за час, чтобы его хоть на глаз можно было определить как человеческое жилище, а не сарай для содержания животных?..

– Я здесь вчера убирал! – возмутился хозяин.

– В самом деле? – восхитился волшебник. – То есть вы хотите сказать, что до уборки оно было еще грязнее? Но, может быть, если хотя бы вымыть пол...

– Да я его мыл только в понедельник!

– Простите, но сегодня уже четверг, если мне не изменяет память, и, судя по тому, что я вижу, по этому полу все прошедшие дни ходили в обуви... Нет, я не настаиваю, это ваш дом и ваше право решать, но Морриган может неправильно понять...

– О нет, только не надо опять про грязь!

Мафей стремительно обернулся в кресле. Этот неунывающий голос он узнал сразу, но все же поспешил убедиться, что не ошибся и это действительно пропавший мэтр Ален стоит в дверях, радостно приветствуя коллег.

– А стучаться тебя не учили? – укоризненно поинтересовалась Морриган, строго нахмурив брови, словно непослушного воспитанника отчитывала. – Входи, не стой в дверях! А черепашка Шарлотта и ворона-маньяк с тобой?

– Тебе уже кто-то рассказал? – прыснул гость, чуть отступая в сторону, чтобы мэтр Силантий тоже мог войти. – Джоана еще отмывается и отдыхает, просила до завтра ее не трогать. А наша черепашка – вот она, прошу любить и жаловать... Ой нет, я не могу... Маленьких черепашат...

– Вот уж дурносмея! – неодобрительно прокомментировал Силантий, искоса поглядывая на хохочущего Алена. – Как только дар речи обрел, так и не может остановиться! Все ему хихоньки! А у меня, между прочим, кто-то кресло стащил любимое! И никто ничего не видел и не знает! И где мне его теперь искать?

Мэтр явно не замечал, что искомое кресло стоит прямо перед ним, и Мафея даже одолело искушение не признаваться, но наглости не хватило.

– Ну что вы, мэтр, вот же ваше кресло. – Он похлопал ладонью по подлокотнику. – Никто его не стащил, это я взял на время. Если оно вам нужно, сию минуту верну, только мне надо другое взамен найти.

– Нешто во всем дворце других кресел не нашлось! – Вернувшийся в реальность мэтр Силантий бросился к вновь обретенному креслу, игнорируя хихиканье коллеги. – Вот ведь гляди – подлокотник поцарапал!

– Да что вы, мэтр, – обиженно задрал брови Мафей, – этой царапине уж лет больше, чем мне! Это еще дядя Пафнутий в детстве поцарапал!

– А ножки-то! – ужаснулся старик, вмиг забыв о жалкой царапине. – Ножки мыши погрызли! Или опять скажешь – Кондратий в детстве?

– Силантий, – устало напомнила Морриган, – разве твое любимое кресло не заговорено от всяких мышей и прочей грызущей живности?

– Да вы гляньте, гляньте! Совсем же свежие погрызки!

Маги дружно наклонились, даже Мафей перегнулся через подлокотник взглянуть, какая ж мышь осмелилась так нагло наплевать на заговоры почтенного магистра.

– Послушай, Силантий, что-то непохоже это на мышинные зубы, – заметила Морриган, присмотревшись.

– А что ж это?

– Маленькие голодные черепашата... – простонал Ален.

– Тьфу на тебя, охламон! Дались тебе эти черепашата! Что ж тогда за чудище кресло мое погрызло? И впрямь не мышь, больше похоже на... – Почтенный мэтр опустился на четвереньки, чуть ли не носом воткнувшись в пострадавшую ножку. – А скажи-ка мне, злонамеренный похититель, твой приятель Толик здесь не пробежал ли?

– Что вы, мэтр, я Толика с самой зимы не видел, – заверил Мафей. – Почему вы вдруг на него подумали? Он чудной, конечно, но не до такой степени, чтобы мебель грызть.

– Да вот сам приглядишься! Не мышь это, и не мог никакой млекопитающий грызун до заговоренного кресла добраться! А похожи эти следы на жвалы какого-нито громадного насекомого, наподобие тех, что Толик вечно призывает.

– Ой! – покаянно воскликнул похититель кресел, осененный пониманием. – Я и не заметил! Это тараканы, наверное!

– Гм... – Мэтр с сомнением присмотрелся к следам преступления. – Это ж таракан должен быть с мышь размером, чтоб так мебель изувечить!

– Ну да, у Морковки тараканы здоровые...

– Мафей, – подала голос Морриган, – ты не уточнял, что там *настолько* грязно...

– Да они вовсе не от грязи такие растут! Это они мутировали от вредного излучения!

Мэтр Силантий резво вскочил на ноги, разогнувшись с чрезвычайной для его возраста легкостью и вмиг преисполнившись юношеского воодушевления.

– Я должен непременно увидеть этих дивных насекомых!

– Непременно увидишь, – спокойно пообещала мэтресса Морриган.

– А если вы еще и сумеете их истребить, Морковка вам по гроб жизни благодарен будет, – добавил Мафей.

– Не перебивай старших. Так вот, коллеги, свидание с тараканами и прочей пакостью вроде грязи и Повелителя я вам обещаю, но не сегодня. Во-первых, у вас накопилось полно своих дел; во-вторых, я пока отправляюсь только на разведку, а некоторые методы моей разведки вызывают у мэтра Силантия аллергию.

Ален моментально перестал хихикать.

– Ага-а, – обрадованно протянул он, – значит, вы его все-таки нашли?

– Мафей нашел.

– Молодец, парень!

– Молодец-то спору нет, – проворчал Силантий, – а только кресло мое тараканам на погрызание больше таскать не смей! Ведь кресел всяких разных по дворцу расставлено несметное количество, нет же, тебе именно мое понадобилось!

– Простите, мэтр, – жалобно повинился Мафей. – Темно было, а я спешил... Я другое возьму.

– А твое сейчас заберем обратно в Белокамень и починим, – утешил коллегу Ален. – И нечего так убиваться.

– И вообще, с каких пор для телепортации стало необходимо кресло?

Ален опять хихикнул – коллега, увлеченный пострадавшим креслом и невиданными тараканами, до сих пор не заметил, что у «молодца» сломаны ноги.

Мэтресса Морриган закатила глаза и объявила, что она ушла собираться, а с подобными дурацкими вопросами пусть разбираются без нее.

Глава 2

– Нет, так часто мыть пол я не согласна, – сказала Пенни. – Конечно, это весело, не спорю, но каждый день все же утомительно.
А. Линдгрен

Как всякому идейному неряхе, Кангрену было искренне начхать, что о нем подумает готичная красотка, с таким трепетом ожидаемая его гостями. И если бы кто-то спросил его мнения, он бы ответил, что и пальцем не пошевелит ради того, чтобы впечатлить ее чистотой и блеском своего жилища. Согласно его убеждениям наводить красоту и уют следовало исключительно по вдохновению, по зову души, в тех (скажем прямо, очень редких) случаях, когда этой самой душе вдруг захочется чего-то большого и чистого. Или же в безвыходной ситуации, когда нет возможности противостоять моральному насилию в лице начальства или санитарной инспекции. А метаться с тряпкой, подобно буйнопомешанному зайцу, лишь для того, чтобы впечатлить гостей, Витька почитал за очковтирательство и недостойные понты. Тем более когда и так чисто.

И он бы все это высказал доступно и понятно – опять же если бы его кто-то спросил.

Но его не спросили. И даже не стали слушать, когда он все же попытался высказаться в одностороннем порядке. Как оказалось, вежливый волшебник обладал удивительным свойством организовать и озадачить всех окружающих, да так, что они и очухаться не успели, как обнаружили себя уже занятыми делом, с ведрами и тряпками в руках.

Явившийся в разгар этого бедствия убас Кетмень был шокирован не меньше самого Витьки.

– Морковка, ты рехнулся, что ли? – изумленно спросил он, разгоняя ладонью клубы пара, поднимавшиеся от ошпаренного кипятком пола.

– Да мы тут это... – Кангрен и сам чувствовал себя по-идиотски, но признаться в этом не посмел и попытался выкрутиться: – Предписание санитарной инспекции пытаемся исполнить... Насчет тараканов...

– Да это я вижу, но на кой ты написал на дверях «Закрыто на дезактивацию»? Соседи в панике носятся по улице и пакуют вещи!

– Я написал «на дезинфекцию»! – возмутился Кангрен.

– Иди сам прочти, дикарь безграмотный! Вроде изъясняешься как образованный человек, а буквы до сих пор путаешь! Если бы я к тебе сейчас не зашел, сюда бы скоро патруль вызвали!

Витька огорченно чертыхнулся. Местные письма действительно давались ему тяжело. В отличие от устной речи, владение которой обеспечивал лингводекодер, писать приходилось учиться естественным путем, и образу «безграмотного дикаря» Морковка полностью соответствовал.

– Давайте я посмотрю, – немедленно вызвалась Ллит, на ходу хватая с прилавка уголек. – Я умею писать правильно, сейчас все поправлю...

Судя по энтузиазму, с каким она бросилась к двери (а полчаса назад столь же рьяно принялась помогать с уборкой), ее любимым занятием и увлечением являлась как раз всяческая помощь ближнему.

– А это еще что? – потрясенно спросил убас, разглядев ее целиком. – Как она сюда попала? Кто ее в город пустил? Или ты мне сейчас начнешь рассказывать про расу четвероногих существ, обитающих в соседних мирах?

– Не знаю, – огрызнулся Кангрен. – Это не ко мне. Это на воротах спрашивайте.

В лавку протиснулся Жак с двумя ведрами воды, едва не столкнувшись в дверях с девушкой. Все еще ошарашенный убас шустро изучил его с головы до ног и безошибочно остановил профессиональный взгляд на злополучных ботинках.

– Чего так долго? – не обращая внимания на происходящее недоразумение, окликнул его маг. – Забирайте ведро, давно закипело, давайте следующее...

Он не только не понимал, что говорит вошедший господин в черном мундире, но даже не обращал внимания на то, что в настоящий момент сжимает ладонями ведро с водой и вода эта кипит.

Убас обернулся на голос и, похоже, на время забыл о подозрительных ботинках.

– Это еще что за?..

– Да не хватай, горячее... – Мыш повертел головой и как ни в чем не бывало обратился к новому не охваченному руководством лицу: – Сударь, будьте добры, подайте во-он ту тряпку...

– Ну вы ж сами говорили, что нам нужны более опытные специалисты, – попытался объяснить Кангрем, сам бросая требуемый предмет, так как убас, разумеется, ни слова не понял. – Вот он, специалист. Взрослый и образованный. Видали, воду голыми руками кипятит. Этот парень с ведрами – один из тех самых потерянных друзей, которых мальчишка зеркалом искал. А где они мутантов насобирали – это уж я не знаю. Они только что явились и первым делом взяли за моих тараканов, потому что сейчас Мафей притащит еще одного... одну... Словом, на тараканов она реагирует примерно так же, как доктор Хаши...

Кетмень еще раз окинул взором творящийся беспредел и изрек:

– Наверное, я зря всю свою жизнь не верил в чудеса. Полеты по воздуху и путешествия между мирами – это еще ладно, но чтобы заставить тебя отдраить твой сарай – тут без волшебства явно не обошлось...

– Господа, будьте любезны!.. – донеслось от прилавка. Уже избавившийся от ведра Мыш призывно махал рукой, второй вцепившись в край неподъемной конструкции, которую не двигали, наверное, со времен возведения. – Помогите мне отодвинуть этот прилавок. Втроем мы наверняка справимся. Мне не хотелось бы прибегать к левитации...

– Да прилавок-то зачем трогать?! – простонал Кангрем. – Пусть бы себе стоял! Как будто ваша эта дама станет под ним проверять... Его отродясь с места не сдвигали!

– А вот и зря! – уверенно заявил волшебник. – Под ним наверняка находится главный оплот вашего тараканьего королевства! Жак, отойди. Ллит, бери ведро. Приготовься, как только мы отодвинем – сразу же лей!

– Бежали б вы отсюда, – вполголоса посоветовал Витька, неловко оглядываясь. – Сейчас он и вас припашет... Он же не понимает, кто вы такой!

Кетмень ухмыльнулся в усы:

– По-моему, если бы и знал, его бы это не остановило. Но оставаться в этой парилке я и вправду не собираюсь, посему будем считать, что я не понял, к чему меня призывают, и ушел работать. То есть объяснять твоим соседям, что ничего страшного не случилось и что не надо всерьез воспринимать все, что пишет у себя на дверях неграмотный дикарь. Когда вы все это закончите?

– Где-то через полчаса.

– А что будете делать с этими парящими лужами?

– Да наш идейный руководитель обещал высушить. Хотелось бы верить...

Весь свой законный выходной, а также половину следующего дня агент Рельмо посвятил всевозможным противоправным деяниям. Он бессовестно подделывал документы, участвовал во взломе архивов родной лавочки в качестве заказчика, давал и вымогал взятки, злоупотреблял служебным положением, намеренно вводил в заблуждение и один раз даже не погнушался прибегнуть к низменному шантажу. В результате он обрел единокровного младшего брата,

недавно приехавшего с Беты погостить у родственников. Спасибо покойному папе с его всемирно известной репутацией и обилием неучтенного потомства, которое до сих пор случайно обнаруживается в разных местах обоих миров.

Кантор в свою очередь благодаря родительской заботе обрел удостоверение личности со всеми необходимыми отметками, медицинскую страховку и удобную легенду.

Санька с Настей обрели кучу хлопот и тяжкий ломоть ответственности, но по сравнению с тем количеством хлопот, от которых они теперь были избавлены, куча казалась совсем маленькой и даже незаметной.

Оставалось только переговорить с Толиком – предупредить, чтобы не показывал свою зеленую физиономию в местах обитания товарища Кантора, да выслушать отчет о его визите в Таккат, куда инспектор был снаряжен вместо самого Макса. Ибо у бедного агента, катастрофически занятого всяческой неблагоприятной уголовщиной, не было ни минуты свободного времени, а Киру и прочих беженцев требовалось срочно предупредить о нескольких важных вещах. Например, о том, что у них в конюшне стоит мэтр Хирон собственной персоной, а за Александром скоро явится солидная делегация от северных соседей, которой показываться на глаза не то что нежелательно, а просто-таки недопустимо.

Встретиться договорились в посольстве у Амарго, и, поскольку Толик, по обыкновению, опоздал часа этак на полтора, уставший от беготни и суеты Макс успел немного отдохнуть в уютном кресле и рассказать коллеге Мануэлю все, что успел на этот момент узнать и чем считал нужным поделиться.

Товарищ Амарго сначала обрадовался, узнав о чудесном спасении Кантора, потом огорчился, услышав о печальной судьбе Ольги, а под конец ужаснулся:

– Бедные девочки...

Это было сказано с таким неподдельным сочувствием, что Макс не сразу понял, о ком идет речь. Как-то не вязалась в его понимании оторва Санька с термином «бедная девочка».

– Ты о племяншке, что ли? – наконец догадался он. – Нашел тоже кому сочувствовать. Видел бы ты это маленькое чудовище – все твое сострадание мигом бы улетучилось.

Амарго печально пожевал недокуренную сигару, размышляя над ответом.

– Знаете, шеф... на правах человека, имеющего опыт присмотра за вашим непутевым сыном, я могу обозвать «бедным» любого товарища по несчастью, будь то юная девушка или взрослый мужик с многолетним воинским стажем. Так как они действительно достойны сочувствия.

– Зная мою племянницу, я бы скорее Кантору посочувствовал, – хмыкнул Макс. – Это стихийное бедствие, сравнимое разве что... как бы тебе попонятнее описать... Ну вот, например, если бы у Шеллара были магические способности...

– Кстати, что там с Шелларом? – тут же перескочил на другую тему Амарго, не желавший продолжать спор о незнакомой ему малявке, способности которой теоретически должны превосходить его собственные. – Тут лондрийская разведка доносила, Горбатый чуть его насмерть не зашиб. Все в недоумении – не то его опять разоблачили, не то в чем другом прокололся...

– Да нет. – Макс поморщился, ибо обсуждать Шеллара не собирался, а речь о нем все-таки зашла. – Он случайно наместнику под горячую руку попал, тот как раз пребывал в расстройстве и на нервах, а Шеллар нашел момент позанудствовать. Вот и вылетел вместе с дверью. Можешь не переживать, этого лося лопатой не убьешь, уже опять бегают по дворцу и капают всем на мозги. Да где же этот Толик?!

– Или пиво пьет, или с новой своей прелестью никак не расстанется. Он там себе кого-то подцепил в этом Таккате...

– Кого? – заинтересовался Макс.

– Не знаю. Я, честно говоря, боюсь даже спрашивать, какого пола эта самая прелесть.

– Там же люди! – с искренним недоумением упрекнул Рельмо. – Разве я тебе не говорил, что с людьми Толик исключительно гетеросексуален? Это он только с эльфами чудит.

– Не говорили, – уверенно заявил Амарго.

– Да наверняка говорил, просто ты все равно опасаясь по привычке.

– Вот нечего мне больше опасаться, кроме Толика! Нет ничего в мире страшнее и опаснее лопухого зеленого раздолбая, и грядущее пришествие Скаррона перед ним меркнет! Вы уже думали, что будем делать, если наша тайна все-таки всплывет? Куда будем перепрятывать четырех баб с младенцем, если в кабину им теперь ходу нет?

– Пожалуйста, не нервничай раньше времени. Если так случится, что их обнаружит поморская делегация, то вместе с ней они и уедут. Прятать уже не получится, но здесь или в Поморье они будут в относительной безопасности. А уж в самом-самом крайнем случае напряжем Толика, чтобы переправил к моей родне на Бету. Хотя это и нежелательно...

– Я так и знал! – насмешливо провозгласило возникшее в комнате зеленое облачко. – Стоит на минутку отлучиться, как против меня тут же устраивается заговор – как бы меня еще напярчь!

– Минутку? Ты опоздал на час с четвертью! И сколько тебе раз говорить – не телепортируйся куда попало! Тебя когда-нибудь за вражеский десант примут! Есть специально отведенное место для прибытия, туда и прибывай!

– А вообще, – добавил Амарго, – подняться из подвала можно и пешком. Тебе полезно будет... Куда?! Куда с ногами на кресло?! Только что по варварским степям пыль месил!..

– Ой, да какие все нервные! – Толик изучил свои пыльные мокасины, даже задрал ногу и осмотрел подошву. Потом все-таки сел в кресло по-человечески. – А я ведь еще ничего и не рассказал.

– Если б ты не таскался по бабам, ты бы все рассказал еще час назад.

Толик закинул ногу на ногу (насколько позволяла его комплекция) и добродушно откликнулся:

– По бабам у нас шляешься ты, а я существо моногамное и больше одной женщины одновременно не завожу!

– А что, с Раэлом ты уже все? – коварно поинтересовался Макс.

Толик посмотрел на него как на убогого дурачка, над которым грех насмеяться, и пояснил:

– Раэл не женщина. И даже непохож. И вообще, чего вы на меня взъелись? Ну подумаешь, опоздал немного. Я пироги кушал, между прочим, а вовсе не то, что вы подумали. С вишневым вареньем. Которые Дана сама напекла лично для меня.

Судя по лицу товарища Амарго, сам факт, что Дана умеет печь пироги, был для него шокирующей новостью, перед которой меркло раскрытие загадки касательно Толиковой «прелести».

– Ты и без пирогов скоро в дверь не пролезешь... – проворчал он.

Макс же, напротив, слегка смягчился:

– Да, конечно, обижать даму пренебрежением нельзя... Но все-таки можно же было жевать побыстрее! Кстати, мне она с творогом пекла.

– Так я и знал, – беззлобно хохотнул Толик. – Макс, есть в мире хоть одна женщина, которую ты по случайности пропустил?

– Только час назад ты общался сразу с четырьмя. И кстати, не торопиться докладывать.

– Так ведь это я вас издалека готовлю, чтобы не шокировать, а то вы хрычи старые... то есть люди пожилые, мало ли до чего вас может довести такой стресс...

– Ну?! – хором рявкнули оба мистральица, одновременно приподнявшись в креслах – с откровенным намерением как следует стукнуть нахала, если не получат ответа сию секунду.

– В Таккате поселился дракон, – быстро и коротко доложил Толик, почуяв серьезность их намерений.

– Какой дракон?

– Наша пропавшая Аррау прибилась. Что нашлась, это хорошо, но она страшным образом демаскирует убежище наших беглых королей. Уже все окрестные племена в курсе, что у Даны есть дракон и не просто так болтается, а по дружбе. История о том, как мыржуки хотели воевать Таккат и обломались на дружеских чувствах дракона, ходит по степям как поучительная притча о проблеме выбора союзников. Делегации от дружественных и не очень племен ездят к Дане с официальными визитами, как дети в зоопарк. И Кира везде мелькает со своей примечательной одноглазостью. Рано или поздно все эти степные новости доползут до остального мира, и кто-то обязательно что-то заподозрит. Убирать нашу компанию оттуда надо. Не срочно, но придется. Их обнаружение – только вопрос времени.

Макс тихо выругался, стараясь не смотреть на Амарго.

– А в остальном все в порядке, – предпринял слабую попытку их утешить Толик. – Принц жрет, как маленький дракончик, и уже держит головку. Кира целыми днями торчит на тренировочных площадках и упорно отказывается верить, что ее чадо еще сто раз похорошеет и не останется на всю жизнь похожим на обезьянку. Уверена, что Шеллар страшно расстроится, увидев, что у них получилось, и очень по этому поводу страдает. Эльвира с видом великомученицы учится обходиться без служанки и все пытается разобраться, не беременна ли она. Твой пацан чудесно прижился среди варварских детей и уже ничем от них не отличается, кроме мистралийской чернявости. Стелла с Терезой торчат в местном лазарете и делятся опытом с коллегами – ну у них такая профессия, что без дела нигде не останутся. Аррау стенает, что ей надо домой, что муж без нее яйцо не высидит и вообще оставлять мужчину на хозяйстве больше чем на сутки – недопустимое легкомыслие, он непременно нажрется листьев, забудет о ребенке, загадит всю пещеру, полетит по девкам... Вот по этому вопросу мы все в непонятках – как нам поступить и что ей посоветовать? Теоретически добраться домой она может и своим ходом, без порталов, хоть это и займет какое-то время. Но по пути ей придется где-то садиться, чем-то питаться, опять же пролететь незаметно никак не получится. Вот вы, умники-интриганы, помозговали бы – что делать бедной дракоше? Как оно будет лучше для дела и для нее? Стоит ей лететь домой или лучше туда не показываться? Что там вообще у Хрисса, все ли в порядке с яйцом, не нужна ли помощь? Тебе Шеллар ничего полезного на эту тему не сообщал?

Макс выругался еще раз.

– Скажи Аррау, что у Хрисса все нормально. Сидит он в своей пещере, нянчит яйцо и ни о каких листьях не помышляет, потому что взять их негде. Еду ему пригоняют регулярно. Орден его пока не трогает. Шеллар популярно объяснил Харгану, почему этого делать не следует, а Шеллар, сам знаешь, объяснить умеет. До вылупления детеныша в пещеру никто не сунется, а после туда отправится сам Шеллар. Якобы разяснить Хриссу текущие задачи. На самом деле задача там будет одна – дитя в зубы и драть. Аррау туда прилетать нельзя ни в коем случае, все испортит. Одним из главных аргументов, навешанных на уши наместнику, было утверждение, что, пока дракон сидит на яйце, он не может никуда отлучиться из пещеры и потому на благо ордена его использовать никак нельзя. Если вдруг драконов станет два, одного тут же припадут для каких-нибудь карательных гадостей. А это не нужно ни нам, ни самим драконам.

– М-да... так что, пусть сидит в Таккате?

– А что делать... пусть сидит. Все равно она уже засветилась сама и всех, кого могла, засветила. Теперь в случае чего сама же и будет исправлять, что натворила.

– Не понял?

– Что непонятного? В случае какого шухера все наши бабы, дети и монахи быстро прыгают ей на спину и летят на север.

– А Дана?! – возмутился Толик.

– А Дана сама о себе прекрасно позаботится. Плохо ты ее знаешь, если спрашиваешь. Улыбка до ушей, парадная юрта, церемониальная простокваша, ой, здравствуйте, гости дорогие, ой, всегда рады помочь, ай-ай-ай, а мы и не знали, но уж теперь-то мы завсегда, если только они вернутся – так мы сразу же... Вот разве что тебе с этого крупный облом выйдет – твои зеленые уши по части экзотики ни в какое сравнение не идут с хвостом господина наместника. Сменяет тебя Дана на разноглазого демона, косу на отрезание даю.

– Ты серьезно? – Толик слегка опешил. – Ей что, правда может понравиться... такое?

– Если оно будет вести себя прилично, разумеется. Если не будет хамить и оскорблять. А что тебя удивляет, она от Шеллара в свое время была без ума, только он, балбес, этого не заметил. И с Торнгримом у нее был роман, а по Гиппократу она по сей день вздыхает, ибо никак, а интересно же.

– А, ну можешь свою косу сразу... – Повеселевший Толик изобразил пухлыми пальчиками ножницы. – Дождешься ты, как же, чтобы наш хвостатый диктатор не хамил и вел себя прилично, ага.

– А вот не разевай рот заранее. На этот счет Шеллар его строит так ловко, что тот сам не замечает.

– Однако морду он Шеллару расквасил.

– Ну, знаешь ли, такой стресс его в некоторой степени извиняет. Если бы у меня вдруг умер... ну, скажем, ты... я бы тоже расстроился и кому-нибудь по морде съездил.

– Макс! – ужаснулся Толик. – Не сглазь!

– Успокойся, глазят не так.

– Ага, Шеллару это расскажи. Знал бы он, что ты про его нос говорил!

– Толик, если он это узнает, я тебе твой собственный нос расквашу!

– Нет чтоб чего завлекательного пообещать за молчание, – принялся кривляться эльф, – сразу начинаются угрозы... Опасный бизнес у шантажистов, что ни говори...

– Перестань дурака валять, лучше послушай внимательно, я тебе важную вещь собираюсь сказать.

– Ну? – Толик охотно изобразил на рожице выражение готовности услужить.

– Чтоб в ближайшие три-четыре месяца тебя в Твери не видели!

– А что случилось? А как же папа?

– К папе ходи прямо в квартиру, и желательно, чтоб там гостей не было. А Саньке ни в коем случае на глаза не показывайся. И на улице не мелькай, мало ли.

– Да в чем дело-то? Что такого случилось? Кому я вдруг понадобился?

– Ты со страшной силой понадобился Кантору, который сейчас сидит дома у Витьки и ждет твоего появления, чтобы вернуться сюда. И ждать он должен до тех пор, пока я не скажу «можно».

– Понятненько... – Толик вдруг посуровел, подобрался и некоторое время изучал собеседника с откровенной неприязнью. – Ты опять за свое? Тебе прошлого раза мало показалось?

Амарго только вздохнул.

– Вот именно потому, что мне прошлого раза хватило с головой, – начал заводиться Макс, – я и не хочу повторения! Нечего делать на войне всяким депрессивным и утратившим смысл жизни! Нам нужны солдаты, а не страдающие барды с самоубийственными наклонностями! Кантор вернется домой только в том случае, если Дэн меня заверит как профессионал, что пациент адекватен и способен о себе позаботиться в экстремальной ситуации! Ты все понял?

– Да я-то что... – хмыкнул Толик, ничуть не удовлетворенный объяснением. – Я-то делаю, как ты скажешь. Но спорим, что Кантор очень быстро сообразит, откуда вонь, сам найдет способ вернуться и очень на тебя обидится?

– Что до второго – могу поспорить. Или ты думал, я забыл заглянуть в посольство и предупредить Раэла?

– Да нет, – кисло усмехнулся инспектор. – Я думаю, что рано или поздно они с Санькой договорятся, и тогда... тогда мы с тобой узнаем о каких-нибудь новых способах перемещаться между мирами, о каких даже эльфы не слышали. Так на что спорим?

Мыш удовлетворенно оглядел результаты авральной уборки и бодро изрек:

– Вот видите, не так уж и сложно. Между прочим, все это можно было проделать и без магии, если приложить чуть больше труда и затратить немного больше времени. Теперь и гостей принимать не стыдно...

Тут его взгляд упал на Витькину застиранную майку и замызганные штаны, вобравшие в себя часть отмытой с пола грязи, и его энтузиазм несколько поутих. Уже не столь уверенно маг оглядел остальных, затем себя и огорченно охнул, обнаружив, что во время трудового свершения все они изгваздались по уши, и теперь вместо приличных людей в заросшей грязию хибаре мэтрессу Морриган будут встречать четыре чумазных поросенка в сверкающей чистотой комнате.

– Может, мы еще умыться успеем? – сочувственно предложил Жак. – Мэтр, да не огорчайтесь вы так, можно подумать, мэтресса никогда не видела вас грязным! Наверняка ведь во времена ваших геройских приключений вам доводилось щеголять перед ней и в пыли, и в грязи, и в крови, и в останках всяческих монстров.

Это у вас что, профессиональное? – поинтересовался Кангрэм, воздержавшись от злорадного напоминания, что он с самого начала был против этой дурацкой затеи с уборкой. – Вот только в понедельник мы выгребали из этой самой комнаты «останки монстров», которых нам от души навалил на пол ваш ушастый приятель...

– Ах вот почему вы в этот день решили помыть пол! – мигом догадался сообразительный волшебник. – Наверное, стоит делать это почаще...

Так ничего и не понявший убас толкнул в бок нерадивого переводчика, но объяснить ситуацию Витька не успел. Так же как не успел привести себя в порядок бедный Мыш.

– Кажется, на этот раз попали правильно, – донесся из серого облачка виноватый голосок юного эльфа.

– Что? – перебил его дрожащий от возмущения женский голос. – Ты не домой направился, а продолжил искать? Мафей, я оборву твои уши вместе с бестолковой головой, которая, похоже, является исключительно держалкой для ушей, а не вместилищем для мозгов! Ты сам не мог догадаться, что, прежде чем продолжить путешествие, нам не помешало бы вымыться?

– А, ерунда, – отозвался мальчишка, – сейчас вы увидите это место и сами поймете...

Туман рассеялся, и долгожданные гости предстали перед встречающими.

– И стоило так надрываться... – вполголоса проворчал Кангрэм, делая шаг назад, чтобы не вступить в стремительно растекающуюся по полу грязную лужу. Краем глаза он заметил, как убас непроизвольно выпрямился, втянул живот и торопливо застегнул верхнюю пуговицу на мундире. – Ну ты даешь, парень! То ты в гнездо жвальников вываливаешься, то в какое-то кишашее крокодилами болото... Куда! Сиди где сидел!

Игнорируя его крик и оставляя на чистом полу зеленоватый ручеек, Мафей взлетел с кресла и метнулся к вновь обретенному приятелю.

– Жак! Жак нашелся! А где же Кантор? И кто это с то...

Он замер на полуслове, уставившись на Мыша взглядом безумного сектанта, узревшего во плоти объект своего поклонения, и, к счастью, надолго заткнулся, подыскивая достойные слова для выражения восторга.

– Несносный мальчишка... – покачала головой его спутница, небрежно помахивая оторванным хвостом крокодила. Судя по размерам фрагмента, целиком сей зверь был в длину метра три, и у Кангрема с трудом укладывалось в голове, как хрупкая женщина и покалеченный подросток ухитрились обзавестись таким впечатляющим трофеем. – Прошу прощения, господа, мы здесь немного наследили... Куда бы это пристроить?

– Морковка, – прошипел над ухом Кетмень, – прекрати прихорашиваться и переводи!

Только тут Витка заметил, что одна его рука судорожно нашаривает пуговицы на куртке, чтобы застегнуться и прикрыть позорную майку, а вторая безуспешно пытается пригладить рыжие кудри. Нет, что ни говори, бывают же на свете женщины, которые умудряются оставаться величественными и неотразимыми даже с крокодильим хвостом в руках и капающей с подола болотной жижей... Они, заразы, как-то воздействуют на подсознание, и, кстати, для этого им совсем не обязательно разбираться в магии...

Мыш смущенно улыбнулся и сделал шаг вперед:

– Давай я выброшу...

– Куда «выброшу»?! – спохватился Кангрэм. – Ты что, такой шмат мяса! Если не будете есть, давайте сюда!

– Вообще-то я не собираюсь ни выбрасывать этот уникальный образец местной фауны, ни раздавать голодающим, – отозвалась черноволосая красавица. – Думаю, мэтр Силантий будет в восторге, и такой подарок отвлечет его от переживаний о загубленном кресле. Кстати, он еще просил привезти ему пару экземпляров тех невероятных тараканов, которые, как уверяет Мафей, размером с мыш...

– Но это же... – наконец выдавил Мафей, задыхаясь от переполняющих его чувств. – Это же сам...

– Да, совершенно верно. – С мягкой улыбкой мэтресса шагнула вперед и протянула свободную от добычи руку. – Рада тебя видеть, Вель.

Судя по тому, каким счастьем полыхнули глаза молодого волшебника и с какой нежностью он поднес к губам нежные пальчики дамы, он тоже был очень, очень рад.

– Мэтр Вельмир! – дрожащим от благоговения голосом произнес вдруг Мафей, который нашел нужные слова аккурат в самый неподходящий момент, но от полноты чувств то ли не понял, как он не вовремя, то ли побоялся, что если не сказать сейчас, то через минуту все забудет. – Нижайше прошу вас, хотя бы ненадолго, пока не найдется мой пропавший наставник... хотя бы пару уроков...

Ллит, которая все это время пристально изучала смазливую мордашку ушастого недочки, вдруг с сожалением покачала головой и произнесла:

– Нет, это не тот...

– Ну и как я должен все это переводить?! – взвыл Кангрэм, получив очередной тычок от господина начальника. – Давайте так: сначала познакомимся, потом кто-то один – повторяю, один! – объяснит ситуацию, чтобы я мог адекватно перевести это всем остальным. А потом дружно займемся поисками решения нашей общей проблемы.

За две недели сценической... то есть помостной деятельности Ольга, по словам новых коллег, «всему научилась», и теперь они могли выпускать ее на публику, не нервничая и не переживая за судьбу представления. Это не значило, что до сих пор она смиренно наблюдала за действием со стороны, оттачивая мастерство, – из-за острой нехватки артистов ее выпускали на помост с самого первого представления. Но при этом, соответственно, переживали и нерв-

ничали – а не случится ли из-за ее неопытности провала, позора или еще какого профессионального несчастья?

Не случилось.

Выучить несложные тексты реприз, половину из которых, кстати, она сама же и сочиняла в соавторстве с доном Мигелем, не составило труда даже для Пако, а уж для Ольги это и вовсе было проще простого. Не сравнить с уроками маэстро Карлоса.

Отстукивать три-четыре простейших ритма на барабанах тоже с грехом пополам удалось. Несмотря на то что с чувством ритма у Ольги всегда были проблемы и во время выступления она хоть раз да сбивалась, наставники остались довольны. Судя по звукам, которые извлекал из раздолбанной гитары Хулио и насвистывала на флейте Инес, требования к музыкальному сопровождению в этом коллективе были... ну сказать, что минимальные, – это еще похвалить. Во всяком случае, Диего от такого исполнения либо пережил бы внеочередной приступ, либо убил бы кого-нибудь. А может, и то и другое.

Прыгать по сцене с размазанной физиономией, изображая то неграмотного пастушка, то безмозглую барышню, то сурового конферансье, над которым потешается клоун, тоже не тянуло на тяжелый физический труд и вполне было доступно даже беременным. Правда, мадам Катрин уже задавалась вопросом, что делать, когда у «пастушка» начнет слишком заметно выпирать живот, но дон Мигель легкомысленно отмахивался, обещая что-нибудь придумать, а Ольгу этот вопрос не волновал вовсе. Она не рассчитывала путешествовать с цирком дальше Даэн-Рисса, а если кто считает, что она не всерьез или там передумает, – это его проблемы.

Только одно действительно давалось адски тяжело и требовало напряжения всех душевных сил.

Смех.

Собственно, смеяться Ольгу никто не заставлял, большая часть ее персонажей как раз говорили и делали свои глупости совершенно серьезно. Все было гораздо хуже. Требовалось вызывать смех у публики. Нарочно. Специально. Ваять дурака. Играть. Выкрикивать звонко и жизнерадостно несусветную чушь, сверкая фальшивой, словно приклеенной улыбкой, и стараться при этом, чтобы улыбка такой не казалась хотя бы зрителям. Не позволять голосу даже дрогнуть, когда от всеобщего веселья хочется разреваться – настолько чудовищным кажется это веселье, ведь любимый муж и друзья как раз сейчас, может быть, страдают, а может, и вовсе...

Лишь в тот благословенный момент, когда Инес и дон Мигель спускались с протянутыми шляпами в толпу, можно было наконец забиться в фургон и дать волю слезам. Все уже привыкли к этому как к непременному этапу представления и некоторое время в фургон не входили. Хулио разок попытался было предложить свой вариант утешения, но после одного краткого разъяснения попытки прекратил.

Сегодня Ольга оказалась лишена даже этого эфемерного укрытия – труппу пригласил в свой замок местный сеньор, виконт Бакарри, и представление происходило в замковом зале, где благородные господа изволили отмечать помолвку хозяйской кухни с кем-то из его же приятелей. Торжественная часть к тому моменту уже завершилась, и праздник перешел в стадию пьянки, не предназначенной к лицемерию порядочным девушкам, поэтому кухню и прочих дам спровадили с глаз долой, и единственной женщиной за столом оставалась увешанная метательными ножами тетка, которая, судя по всему, за даму не считалась. Во время выступления жонглера они с Хулио так неприкрыто выражали взаимный интерес, что заметила даже Ольга, а дон Мигель с монсиром Бертильоном шепотом побились об заклад: почуяла ли воительница родственную душу и знает, на что идет, или же ее ждет страшное разочарование.

Остальную публику составляли подвыпившие рыцари, и Ольга, помимо всего прочего, чувствовала себя ужасно неуютно под взглядами нескольких десятков заинтересованных мужчин. Так как труппа выступала в этих краях уже не первый раз, красotka Инес водила давнее

и плотное знакомство с хозяином и после выступления намеревалась оно продолжить, о чем виконт наверняка предупредил гостей. Гости были люди с понятием, поэтому все их внимание сосредоточилось на оставшихся женщинах. Следует заметить – очень неравномерно, ибо сценический костюмчик мадам Катрин бестактно подчеркивал все то, что в ее возрасте уже стоит скрывать, и успеху у противоположного пола это не способствовало. Конечно, Ольге вряд ли угрожало что-то страшнее похабных шуточек или непристойного предложения, от которого можно отказаться, но ощущение, что на нее пялятся с определенными намерениями, здорово нервировало. До такой степени, что ей казалось – слепой старик с завязанными глазами тоже пялится именно на нее и именно ее обсуждает, склонившись к уху виконта Бакарри. Глупо, конечно, воображать себе такие страсти, да и старик очень быстро ушел куда-то – и правда, что ему в этом представлении, которого он даже видеть не может, а уж слушать, как Хулио не попадает по струнам, сомнительное развлечение...

Но все же Ольгу не покидало тревожное ощущение надвигающейся опасности. Возможно, просто перенервничала – и так каждое представление было для нее испытанием на выдержку, а тут еще эти мужики, да и обязательной разрядки после насильственного веселья она оказалась лишена. Когда шоу закончилось, Ольга готова была мчаться бегом к спасительному фургону, чтобы поскорей забиться в темный угол, но щедрые хозяева не могли отпустить бедных артистов без подобающей благодарности. Инес виконт тут же усадил рядом с собой, а прочих пригласили спуститься на кухню, где для них уже приготовлено угощение. Ясно, что никуда они из этого замка не двинутся, пока дон Мигель не утратит способности стоять на ногах, а вечно голодный тролль не набьет брюхо.

Но и это еще было не все!

Когда Ольга, смирившись с судьбой, в очередной раз проглотив слезы и приготовившись терпеливо ждать, двинулась вслед за мадам к выходу, ее вдруг аккуратно придержали за локоток и попросили задержаться.

Ольга подняла глаза, подыскивая повод для отказа (что было затруднительно, так как причину ей не объяснили и подбирать возражения было не к чему), и застыла в растерянности. Над ней возвышался лично виконт Бакарри, продолжая бережно удерживать за локоть и не отводя пристального, хотя и безукоризненно почтительного взгляда. Вблизи он казался еще крупнее, чем издали, хотя до Элмара ему недоставало где-то с пол-локтя в высоту, а в ширину и того больше.

– Нижайше прошу вас уделить мне несколько минут, – очень серьезно произнес он вполголоса. – Нам необходимо поговорить.

Оторопевшая Ольга затравленно оглянулась, ища взглядом Инес – вдруг та сможет хоть знаком дать понять, что это значит? Однако танцовщица выглядела не менее удивленной и только глазами хлопала в ответ на безмолвный вопрос подружки.

Виконт уловил двусмысленность момента и поспешил добавить:

– По делу.

– Как, прямо... так? – Ольга беспомощно развела руками, намереваясь выиграть хотя бы время на переодевание, чтобы употребить его для более практических целей: посоветоваться с доном Мигелем и позаимствовать на всякий случай один из кинжалов Хулио.

– Не извольте беспокоиться. – Виконт наклонился к ее уху и уже шепотом добавил: – Не бойтесь, маэстрина Ольга. Вам здесь ничто не угрожает.

Ольга без лишних слов сунула кому-то свой барабан, даже не взглянув, кому именно, так как ее взор теперь не мог оторваться от серьезных серых глаз гостеприимного хозяина. Вопрос, угрожает ли ей что-либо, даже не возникал – таким мелким и незначительным он казался рядом с возможностью (пусть даже эфемерной) что-то узнать о судьбах близких.

– Откуда вы меня знаете? – не удержалась она, едва за ними захлопнулась огромная двустворчатая дверь зала.

Виконт жестом пригласил следовать по лестнице вверх и пояснил:

– Я видел вас при дворе. Вы меня вряд ли помните, но не запомнить вас невозможно. А всяческие экзотические одеяния вовсе не скрывают вашу персону, а, напротив, лишь делают более узнаваемой. И даже клоунский грим, к сожалению, не поможет вам замаскироваться от людей, знающих вас в лицо.

Кабинет виконта мало напоминал привычный Ольге королевский – сходства в них было не больше, чем между Элмаровой оружейной и гримеркой маэстро Тарьена. Скорее, так мог бы выглядеть кабинет ее величества Киры, если бы он у нее был. Среди этого начищенного, выстроенного и сверкающего чистотой порядка Ольга сразу же почувствовала себя неуместной пестрой кляксой на парадном ковре.

– До меня доходили слухи о вашей трагической гибели, – продолжал между тем хозяин, пододвигая для нее кресло. Небольшой столик у окна был уже накрыт – предусмотрительный виконт успел подготовиться к предстоящей беседе. – И я был изумлен, увидев вас живой и невредимой, да еще в такой странной компании. Более того, вид благородной дамы в столь бедственном положении меня глубоко шокировал. Именно поэтому я взял на себя смелость предложить вам свою защиту и покровительство.

Ольга неожиданно для себя вдруг заметила, как отступает вечное желание укрыться в темном углу и расплакаться, словно сама собой выпрямляется спина и приподнимается подбородок... Наверное, так и должно быть – когда совершенно незнакомый мужчина, сильный, красивый, уверенный и вообще аристократ в надцатом поколении, говорит с тобой как с равной, поневоле возникает потребность хоть немного соответствовать подобному обращению...

В кресло она опустилась с достоинством и грацией, каких отродясь в себе не подозревала и нипочем не смогла бы изобразить нарочно.

– Какое вино вы предпочитаете?

– Благодарю вас, я не пью вина... Компот или сок, можно просто воды. – Из всех замеченных на столе угощений Ольге приглянулись только моченые яблоки, но как их подобает есть благородной даме согласно этикету, она не имела понятия, а вгрызаться привычным способом, шумно всасывая сок, брызгая им во все стороны и вообще всячески роняя достоинство, она бы теперь не решилась даже под угрозой голодной смерти. – Простите, а какие-нибудь еще интересные слухи до вас не доходили? О судьбе моего мужа, например? Если вы меня помните, вы ведь, наверное, помните и его? Или хотя бы скажите, что стало с королевской семьей, уж это вы должны знать точно?

– О да... – И без того суровое лицо виконта Бакарри помрачнело еще больше, отчего сразу же утратило смутно уловимое сходство с кем-то знакомым, которое не давало Ольге покоя с того самого момента, как она впервые увидела хозяина замка. – К сожалению, мои сведения вряд ли можно назвать утешительными... Я узнал о судьбе ваших спутников из тех же источников, что поведали мне о вас. Ваш муж, его высочество и королевский шут были доставлены из Мистралии в Даэн-Рисс, и с тех пор о них ничего не слышно. Если их казнили, то в полной тайне, а если спрятали, то очень качественно. О королеве известно лишь то, что она исчезла. Просто исчезла, не оставив следа. Поверьте, нас тоже интересует судьба всех этих людей, и наши агенты делают все возможное, чтобы их найти.

Ольга удивленно подняла глаза от бокала:

– А вы?..

– Да, сударыня, здесь не просто собралась компания веселых друзей с целью поразвлечься. Сюда стягиваются все, кто считает себя истинным патриотом и готов сражаться за свободу, что бы ни думал по этому поводу наш бывший король.

– А что он думает по этому поводу? – живо заинтересовалась Ольга.

Стремления «истинных патриотов» были ей близки и понятны, но за долгое время знакомства с королем она привыкла, что его идеи, планы и просто мнение касательно всевозмож-

ных вопросов бытия неизменно оказываются правильными, как бы дико и парадоксально ни смотрелись они на первый взгляд.

Виконт вздохнул, и его грустный взор приобрел немного виноватый оттенок.

– Мне тяжело вам это говорить, мне известно, как близки вы были с его величеством и как его уважали... Но факты говорят сами за себя. Он предал свой народ и изменил своему долгу. Не знаю, из каких побуждений он действовал, но его поступки видны и понятны каждому. Вместо того чтобы бороться против захватчиков, Шеллар Третий позорно капитулировал, сложил с себя корону и отдал страну на растерзание врагам. Более того, добровольно облачился в бело-голубую рясу и стал прислужником и пособником узурпатора. Согласитесь, что, учитывая все упомянутое, его рассуждения о «бессмысленных жертвах» и «эффективности дипломатических методов» выглядят не более чем жалкими оправданиями собственной трусости.

– Король никогда не был трусом! – не удержалась Ольга.

– Однако вы сами знаете, что ему не впервой предавать и обманывать.

– До сих пор он обманывал только тех, кого следует.

– К сожалению, теперь у него иная концепция касательно того, кого именно «следует».

Не далее как несколько дней назад он выдал своим новым хозяевам мистралийского агента. Это достоверные сведения из первых рук, ошибка или двоякое толкование исключены. Мне очень жаль, сударыня. Но таковы факты. Если вы рассчитывали добраться до столицы и искать помощи у старого друга, вам стоит пересмотреть свои намерения.

– Благодарю вас за предупреждение, но я и не намеревалась являться во дворец. Горбатый тоже знает меня в лицо, и, попадись я ему на глаза, политическая позиция короля вряд ли будет иметь хоть какое-то значение для моей дальнейшей судьбы. Простите, здесь можно где-нибудь умыться?

– О, разумеется, но зачем же здесь? Сейчас я пришлю сюда вашу новую служанку, она проводит вас в вашу комнату и поможет умыться и переодеться. Боюсь, с одеждой возникнут проблемы, но на первое время можно позаимствовать что-нибудь из гардероба моей кухни, а потом мы изыщем способ...

Ольга аккуратно поставила на столик пустой бокал. Похоже, гостеприимный хозяин был настолько уверен в себе, что даже мысли не допускал о возможном отказе. И надо объяснить ему это как-то так, чтобы не обидеть...

– За ваше любезное предложение тоже от души благодарю. Однако принять его не могу. Я должна ехать дальше. У меня есть неотложные дела в столице.

Несокрушимая уверенность разом покинула отважного защитника потерпевших девиц, сменившись беспомощной, почти детской растерянностью.

– Это действительно важно, – заверила Ольга, не дожидаясь, когда хозяин начнет ее уговаривать. – Поверьте, я очень ценю ваше благородство и готовность помочь даме в трудный момент, но именно сейчас мне в самом деле необходимо добраться до столицы.

– Даже если вам удастся узнать что-либо о судьбе дорогих вам людей, останется только смириться с услышанным. – Виконт совладал с изумлением и пустил в ход любимый метод его величества – логические доводы. – Даже если они еще живы, даже если вам удастся узнать, где они находятся, помочь им вы ничем не сможете. Подумайте сами – возможно ли женщине в вашем положении скитаться по дорогам, подвергая себя опасностям, мерзнуть, голодать и унижаться, развлекая толпу хохочущих простолюдинов? Будьте же благоразумны! Едва вы появитесь в Дазн-Риссе и начнете свои поиски, кто-нибудь из ваших столичных знакомых обязательно на вас донесет! Оставьте эти опасные игры специалистам. Рано или поздно мы обязательно выйдем на связь со столичным подпольем и попросим их заняться вашим вопросом. Вам вовсе не нужно делать самой то, чего вы даже не умеете, рискуя при этом жизнью. Подумайте о ребенке!

Ольга неторопливо поднялась, бросив прощальный взгляд на моченые яблоки. Ах, как же это соблазнительно – мягкая постель, горячая ванна, относительная безопасность и никакой ответственности... Так легко и просто – переложить все заботы на чужие плечи, расслабиться... и потом до конца жизни уверять себя, что ты «ничего не могла сделать».

– Обещаю вам, – произнесла она, пережидая головокружение, прежде чем двинуться к выходу, – я буду очень осторожна и благоразумна. Если вас это хоть немного успокоит, могу даже пообещать, что оставлю свою затею и вернусь к вам, как только смогу убедиться в бесполезности дальнейших действий. Я понимаю, как мало у меня шансов на успех, но хотя бы ту малость, что в моих силах, я сделать должна. Иначе мне будет очень стыдно, когда мой ребенок вырастет и спросит об отце. Надеюсь, вы не станете пытаться удержать меня силой?

– Нет, – качнул головой виконт Бакарри. – Хотя следовало бы, ибо, видят боги, вы не ведаете, что творите!

– О, в таком случае вам надо было заранее договориться с Пако, – Ольга символически развела руками, изобразив беспомощную улыбку, и сделала шаг к двери. – Боюсь, он не поймет ваших благородных намерений. А он бывает весьма шумным в своем... непонимании.

– Как все тролли... – невесело усмехнулся виконт и тоже поднялся. – Я заметил, он очень к вам привязан. Можно полюбопытствовать почему?

Излагать долгую историю знакомства с Пако у Ольги не было настроения – главным образом из-за того, что ей не терпелось закончить этот неприятный разговор и поскорей покинуть замок, пока хозяин не передумал.

– Потому что все обращаются с ним как с троллем, – коротко пояснила она. – А я – как с человеком.

– Поразительно. – В голосе мужчины мелькнуло удивление пополам с восхищением. – После всего, что вам довелось пережить, вы можете общаться с троллем без страха и отвращения, более того – как с товарищем? Кстати, я так и не спросил... если это не покажется вам нескромным с моей стороны... Как вам удалось спастись?

Ольга пожала плечами:

– Когда я пришла в себя, тролли спали. Тихонько выбралась из пещеры и убежала. За мной никто не гнался и не искал. У них еще половина солдата оставалась недоеденная.

Почему она решила соврать – сама не поняла. Словно кто-то за язык дернул. Вроде бы и не было ничего подозрительного в поведении великодушного виконта Бакарри, но непонятно откуда возникло убеждение: доверять ему все свои тайны не следует. Ольга прямо сама себе удивилась – до сих пор она не отличалась выдающейся интуицией, из-за чего часто страдала. А тут вдруг – на тебе...

– Невероятно... – опять восхитился виконт. – И вы так просто об этом говорите... Вы действительно отважная женщина, маэстрина. Я искренне желаю вам удачи и не смею далее задерживать. Позвольте мне проводить вас. И... если вы действительно решите покинуть столицу, вам будут всегда рады в этом доме.

– Спасибо. Я буду помнить об этом.

Тепло попрощавшись с радушным хозяином, Ольга отправилась на кухню, где уже начал нервничать Пако, а мадам Катрин пыталась воззвать к совести почтенных донов и отобрать у них очередную бутылку, кою считала уже лишней.

Что же касается виконта Бакарри, то он вовсе не направился к гостям, а вернулся в тот самый кабинет, где уже поджидал его давешний старик, покинувший вечеринку в разгар веселья.

– Знаете, виконт, – насмешливо произнес он, сдвигая набок свою повязку и выглядывая из-под нее одним глазом, – я считал вас более решительным человеком.

– Не мог же я в самом деле принудить ее силой! – раздраженно отозвался хозяин замка, падая в кресло и наливая себе полный бокал вина. – Можете представить, какой знатный скан-

дал из этого получился бы? Не настолько уж нам необходима эта девица, чтобы ради ее приятного общества так позориться.

– О нет, – столь же насмешливо отозвался его собеседник, тоже протягивая руку к бутылке. – Конечно, нам бы не помешало иметь ее в своем распоряжении, но необходимости в этом действительно нет. Меня огорчило другое. Какой из вас получится король, если вы даже не сумели уболтать эту наивную простушку и позволили ей вертеть вами, как...

– Аккуратнее со сравнениями, – угрожающе перебил виконт. – И с определениями тоже. Мне эта дама не показалась наивной простушкой. Отнюдь.

– Да уж, фиалок она вам насовала знатных. Готов биться об заклад на что угодно: о своем чудесном спасении она вам наврала и без этого грамотного тролля там не обошлось. А вы и растеклись. Подумать только, не суметь уговорить женщину и отпустить ее на верную смерть!.. У вас что, язык отнялся или вы нежданно-негаданно втрескались в этот ходячий скелетик?

Виконт залпом опрокинул бокал, прислушался к своим ощущениям и неожиданно признался:

– Примерно так.

– Что? – Его собеседник, то ли от удивления, то ли чтобы лучше рассмотреть невиданное чудо, стянул повязку полностью. Второго глаза, точнее, второго зрячего глаза под ней не оказалось, зато она потянула за собой седой парик, обнаружив истинное лицо и истинный возраст фальшивого старика.

– У меня именно что отнялся язык, – подтвердил виконт, сам удивляясь своей уступчивости. – И знаете, мастер... О любви, конечно, речь не идет, но... я чувствую себя так, словно меня околдовали. Поверьте, мне случалось пережить это ощущение, и я ни с чем его не спутаю. Звучит глупо, я сам знаю, что никакой магии в этой женщине нет и быть не может, ибо ее не стало вовсе, но... именно это со мной произошло. И я был бы рад, если бы мне кто-то объяснил, что, демоны дери, творится!

– Вот даже как... – Мастер прищурил единственный глаз, заинтересованно выглядывая из-под сползшего парика. – Любопытное дельце выходит... А вам случайно не показалось, что наша благородная донна сегодня сама на себя не похожа? При дворе она вела себя так? Может, я просто чего-то не знаю или наблюдал ее не в той среде?

Растерянный кавалер тоже призадумался:

– Я с ней не общался, видел всего несколько раз, да и то издали. Однако не припоминаю, чтобы тогда она давала какой-либо повод восхищаться своей персоной или вызывала желание поставить ее в пример моей беспутной кузине.

– Вот именно. И я ничего такого не заметил. Простодушная, непосредственная и вечно перепуганная – такое впечатление она произвела на меня тогда. А тут вдруг нате вам принцесса неопишная! Благородные кавалеры дар речи теряют и в ноги падают! Неспроста это, нюхом чую... Вызвать бы, где она шлялась эти три недели и каким образом свои новые способности приобрела! Жаль, ни мага, ни ведьмы поблизости нет...

– Ну и чем бы этот маг нам помог? – раздраженно отозвался виконт, поглядывая на дверь. Видать, вспомнил, что в трапезном зале его дожидается другая дама.

– Хотя бы теоретическими рассуждениями. У меня есть несколько гипотез, но проверить ни одну я не в состоянии. Только гадать – то ли наша маэстрина в троллей пещере нашла какой-то артефакт, на неклассической основе работающий, то ли это пропажа из мира классической Силы так на ней сказалась, то ли дело в ребенке, которого она носит...

– А ребенок-то тут при чем?

– Если его отец действительно Кантор, как все полагают, то почему бы внуку неклассического мага не унаследовать дедушкину Силу и почему бы этой Силой не поделиться с любимой мамочкой?

– Так бывает?

– С классическими магами – нет, а вот от мэтра Максимильяно любой пакости можно ожидать. Ну да ладно, носиться по Мистралии в поисках отгадки – дело долгое и опасное, лучше подождать, пока эту работу не сделают за нас дружинники кабальеро да Косты. Как раз перед моим побегом у наместника наметились подвижки в поисках артефактов для хозяина. Шеллар, скотина, опознал по описанию один из них и доложил, что этим кубиком в последнее время игрался его шут. После чего лично обыскал дом и, не найдя искомого, предположил, что болван мог прихватить игрушку с собой в Мистралию. По поручению патрона я расспросил выживших участников операции, которые заявили: кубик видели, а прикарманил его все тот же несчастный Хосе Игнасио, на которого и так свалили все, что могли. Значит, в ближайшее время патрон организует поход на поиски логова троллей, где теоретически и лежит теперь бесценный артефакт. Будь я сейчас там, это поручили бы мне, а я бы уж постарался и кристалл не найти, и о нашей беглянке все толком выяснить. Но теперь придется подождать, пока все сделают другие, а уж потом выловить нужных людей и задать пару вопросов...

Одноглазый Астуриас поправил парик и повязку, вновь превращаясь в слепого старика, и добавил:

– Вот будет потеха, если выяснится, что тролли этот артефакт попросту сожрали...

Глава 3

«Бедная фрекен Бок, она ведь еще не привыкла, как Филле и Рулле, видеть вселяющие ужас смертоносные мумии», – подумал Мальши.
А. Линдгрен

Сначала эпохальное событие напоминало обычное рабочее совещание. Все высказывались по сути проблемы, подкидывая каждый свои кусочки информации, из которых потихоньку складывалась цельная картина происходящего в двух мирах, а некоторые даже предлагали свои варианты дальнейших действий. Кангрэм исправно переводил, не вмешиваясь в дискуссию со своими соображениями, и втайне представлял себе, что сделает его начальство, если вдруг узнает о спонтанном контакте и роли в его установлении своего сотрудника. Теоретически он как бы и не виноват – ну какое отношение имеет бедный лавочник Морковка к тому, что Повелитель решил вторгнуться в соседний мир, а пострадавшие аборигены решили в свою очередь разыскать и устранить источник своих неприятностей? Но с его вечным везением получается, что при всей его непричастности контакт состоялся у него в доме. А потому что нечего посторонних эльфов по пустошам подбирать. А раз уж так вышло, что сам переехал представителя дружественной цивилизации, надо было в тот же день доложить и передать на попечение соответствующих органов. И вообще, пить надо меньше. Особенно за рулем. И нечего тут начальству по ушам ездить, будто не пьян был, нешто начальство тебя не знает и личного дела твоего не читало?

Потом действие стало напоминать сцену из комедии про начинающих ломовиков, пытающихся общими силами хоть что-то взломать, толпясь у одного монитора, без умолку сыпля толковыми и не очень советами и отбирая друг у друга перчатку. Эта стадия длилась недолго, но за это время бескорыстная Ллит успела тихонько и никому не мешая заново помыть пол.

Потом почтенные мэтры пришли к выводу, что их добыча, скорее всего, прячется от наблюдения за щитами и, чтобы что-то разглядеть, надо ломать. Самым подходящим специалистом все трое единогласно признали Жака. Тот не посмел отказываться, хотя по морде было видно – очень бы хотел.

Еще через десять минут маги опять сидели у зеркала, все так же вперившись в него с азартом начинающих ломовиков, а между ними на придвинутом поближе топчане возлежал «специалист», который, как оказалось, только в таком состоянии обретал способности к магии. Время от времени они обменивались короткими фразами, которые для непрофессионала звучали бредово и непонятно. Зрители уже утомились ждать, когда свинцовая серость в зеркале вдруг просветлеет, словно кто-то включил монитор, и вожаемый объект предстал перед ними во всей красе.

Божественный Повелитель изволил принимать ванну. Его иссушенное, подобно перевяленной вогле, тело покоилось в некоем мутном растворе, мало напоминающем воду, причем покоилось оно там с головой – ведь проблема дыхания перед высочайшим купальщиком не стояла. С одной стороны ванны застыли две девушки-зомби с простыней и полотенцем наготове, с другой еще две такие же мертвые прислужницы склонились над Повелителем, погрузив руки в раствор, и неторопливо там плескались.

– Ни звука! – шепотом предупредил Мафей, заметив, что убас намеревается высказать свое мнение об увиденном. – Услышит.

– Раствор кто-то может определить? – еле слышно произнес Мыш.

– Не, – отозвался Жак, – магия левая. Не берется.

– Аналогично, – откликнулась Морриган. – Тихо. Пусть встанет. Я на него самого посмотрю.

В наступившей тишине можно было отчетливо слышать, как где-то в лавке чудом выживший таракан что-то жрет – по всей видимости, забытый на прилавке крокодилий хвост.

Прошла – нет, проплелась, спотыкаясь на каждом ударе сердца, – бесконечная минута.

Банщицы-зомби выпрямились, отступили на шаг и отложили губки. Над краями ванны взметнулись руки, похожие на обтянутые кожей кости, и Повелитель поднялся в полный рост.

– Мне плохо... – предупредил Жак таким тоном, словно намеревался в следующее мгновение лишиться чувств.

– Терпи... – зло прошипела волшебница, жадно изучая представшее перед ее глазами существо. – Так... четвертая степень... залом по нисходящей... а вот это что за мельтешение?... Ага... еще чуть-чуть...

Больше всего Повелитель напоминал мумию. Добротню выполненную, идеально сохранившуюся, без дефектов и разрушений. Пожелтевшая и выдубленная от времени или от купания в подозрительных жидкостях кожа плотно обтягивала высушенные до одеревенения мышцы. Провалившийся живот в буквальном смысле прилипал к позвоночнику. Неожиданно живые пронизательные глаза подозрительно изучали нечто невидимое зрителям.

– Почуял, – прошептал Мыш, – закругляйся.

– Сейчас, еще чуть-чуть... Посторонняя магия мешает...

– Засечет.

– Мне плохо! – повторил Жак. – Больше не могу...

– Терпи, трус несчастный!

Повелитель занервничал. Резко оттолкнув услужливую банщицу, приблизившуюся к его высочайшей персоне с ведерком и кисточкой, он повертел головой, словно что-то искал, и угрожающе прошипел:

– Вельмир? Это опять ты?

– Нет, братец, это я, – злоратно произнесла Морриган уже в полный голос. – Это опять я. Так, говоришь, Вельмир тоже вернулся? Спасибо, радость моя, буду знать. Сейчас и его поищу.

Она резко встряхнула рукой, словно бросая что-то внутрь зеркала, и быстро отшатнулась. Как оказалось, вовремя – в следующий миг зеркало обрушилось, рассыпавшись мелкими осколками.

– А прекратить, не разбивая зеркала, ты, конечно, никак не могла, – заметил Мыш, осторожно приподнимаясь, чтобы стряхнуть с подола осколки. – Господа, кого-нибудь задело?

– Да вроде нет... – Кангрем оглянулся на убаса, но тот сидел еще дальше, и до него просто не долетело. – А что это было?

– А... – расстроенно махнул рукой маг. – Что с них взять – брат и сестра триста лет не виделись... Одновременно метнули друг в дружку по заклинанию, забыв, что через зеркало своей цели все равно не достигнут. Вот зеркало и не выдержало. Остается лишь утешаться надеждой, что Скаррон тоже расколотил что-то нужное.

– Ничего, я другое привезу, – пообещал Мафей. – Вы Жака в чувство приведите. Ему же правда плохо от такого...

– Нет-нет, лучше пока не надо, – возразил Мыш, осматривая бесчувственного помощника. – Его тут чуть-чуть осколком поцарапало, неглубоко, но все же до крови. Сейчас увидит – и опять в обморок. Сначала надо травмирующий фактор устранить, а потом уже будить. Дайте кто-нибудь чистую тряпочку...

– Опять ты не переводишь! – напомнил убас. – Что они там разглядели интересного? Кроме того, что рожа у этого Повелителя – что у покойника.

– Он и есть покойник... – пояснил Кангрем и перевел вопрос.

– Ну что ж... – Мэтресса откинулась на спинку кресла, сложив руки на груди. – Могу с уверенностью заявить, что все теории касательно высших личей так теориями и остались.

То, что мы только что имели сомнительное счастье наблюдать, есть неизвестная доселе помесь лича обыкновенного с некой принципиально иной формой нежити, не подлежащей классификации в рамках традиционной некромантии по причине того, что для создания подобного существа использовалась неклассическая магия неизвестной нам школы. Некоторые технические параметры я успела разглядеть, но неспециалисту это будет непонятно и вряд ли интересно, так что поделюсь лишь выводами. Это существо действительно бессмертно, и способа его упокоить я пока не вижу. Искать филактерии бесполезно, так как его не существует в природе. Этот стандартный прием в нашем случае заменен неким неклассическим ритуалом.

– Что ж, значит, нам все-таки придется наведаться к куфти, – сделал вывод Мыш. – Это их рук дело, больше некому.

– Ты всерьез полагаешь, что он тебе позволит туда наведаться и пообщаться? Что тебя не будет ждать там засада во главе с самим Скарроном, на этот раз неуязвимым и бессмертным?

– А у меня есть выбор?

– Есть. Для начала неплохо было бы обезвредить моего ненаглядного братца, чтобы не путался под ногами, пока мы ищем способ его упокоить. Есть же, наверное, способы как-то его... изолировать, не убивая.

– От обычных, известных заклинаний он легко защитится, – возразил Мыш. – А вот, например, прелестное творение мэтра Алехандро может и сработать. Авторское заклинание, свеженькое, неизученное, о котором Скаррон никогда не слышал... Да, это может сработать, но сначала нам надо найти способ до него добраться. А то ведь штурмовать Первый Оазис – не самый лучший способ...

– Вот над этим давайте и подумаем, прежде чем куда-то ехать, рискуя нарваться на засаду. Мафей, мы отправляемся домой. И чтобы без меня ты сюда не мотался, ясно?

– По крайней мере, пока у вашего высочества не сростутся все сломанные кости, – настаивательно добавил маг, прежде чем неумный эльф успел что-то возразить.

– Но, мэтр! – все же попытался сопротивляться Мафей. – Это вопрос двух-трех дней!

– Вот и прекрасно. Эти два-три дня вы проведете дома. Кстати, заберите с собой и Жака. Он мне тут только мешать будет.

– Да-да, – подхватил Кангрэм. – Мне завтра надо съездить в одно место, так что присматривать за вашим недужным приятелем будет некому.

Он и так едва дождался выходного, а после такого веселенького дня потребность хоть немного отдохнуть стала просто-таки насущной.

– Опять к своим приятелям-сектантам пьянствовать поедешь? – неодобрительно нахмурился убас.

– Да чего вы на них так взъелись? Они нормальные мужики, если не говорить с ними о религии и вообще поставить себя так, чтобы они не воспринимали вас как потенциальную паству. А после вот этого вот, – Кангрэм кивнул на то место, где прежде стояло зеркало, – мне просто необходимо как следует выпить. Потому что сегодня ночью эта мерзкая рожа мне будет сниться. А я не хочу ее видеть еще и завтра, и послезавтра.

– Дикари... – с унылой обреченностью прокомментировал Кетмень. – Пьянь беспросветная. Я пошел домой, а своим гостям объясни популярно, что мутантам доступ в город строго воспрещен.

Выходной, которого Кангрэм так ждал в надежде хоть на денек вырваться из этого дурдома, начался опять с неприятностей.

С таким трудом и моральными потерями пережитый эпизод борьбы за презентабельный внешний вид сотрудников оказался не разовой акцией руководства, а планомерным долгосрочным мероприятием. Около блока дезинфекции агента вновь поджидал бдительный шеф, полный решимости не позволить нерадивому подчиненному позорить лавочку бомжескими

покрышками. А поскольку Витька на подобную настойчивость шефа никак не рассчитывал, то и не позаботился припасти какую-нибудь нормальную одежду, кроме все той же парадной формы.

Утешая себя мыслью, что он все равно собирался заглянуть домой, Кангрэм направился к Дэну. Прежде чем являться в собственную квартиру и выяснять с незнакомым пришельцем, кто тут хозяин, он рассчитывал услышать какие-то объяснения от дорогого друга, который ему это удовольствие устроил.

Вместо этого он получил еще одну кучку неприятностей. Прежде всего, с огромным опозданием узнал о несчастье с Татьяной. Затем ему вкратце объяснили, откуда взялась на кухне рыдающая девушка, которую Санька вдвоем с матерью пытаются утешить. А под конец, разумеется, оказалось, что Витьку им в такой трудный момент послали сами боги, ибо три слабые женщины сейчас крайне нуждаются в ком-то как раз таком: большом, сильном и в форме.

Пока Санькина заплаканная подружка успокаивалась, всхлипывая и размазывая по личику остатки слез, а добрейшая Сонечка совала ей третью по счету чашку чая, Санька быстро и деловито разъяснила, чего от доброго дяди ожидают.

История была проста и глупа до банальности и могла служить хрестоматийным примером, какие бабы бывают дуры. Полгода назад Настя познакомилась с каким-то подозрительным типом (вернее, подозрительным его считала Санька со своим шархийским чутьем, а сама Настя, обуреваемая романтическими бреднями о сильном плече и каменной стене, ничего поначалу не заметила). Знакомство случилось в экстремальных обстоятельствах, что тоже запросто отбивает критическое восприятие – какая же женщина не проникнется теплыми чувствами к человеку, который героически сразился за ее честь с тремя гопниками? И разве заметит с первого взгляда все те недостатки, которые обычно составляют обратную сторону «сильного плеча»? Особенно если ей всего восемнадцать?

Только со временем она наконец заметила, что ее герой самоуверен, хамоват и склонен демонстрировать свою силу где надо и где не надо. Более того, из друга и защитника он быстро превратился в хозяина. Все в доме делалось по его слову, вплоть до того, что носить, что смотреть, куда пойти и что приготовить на ужин. Робкие попытки расстаться были подавлены мгновенно и безжалостно – слабохарактерной и боязливой Насте хватило одних лишь угроз. Санька не раз предлагала подпрячь к делу родственников, но подружка всякий раз отказывалась. Стыдно было признаваться, в какое дерьмо влезла, а как представляла, что ее Брыль отлупит сублильного Санькиного папу точно так же, как двух ее однокурсников, имевших несчастье дать повод для ревности, – так и вовсе приходила в ужас. Глупенькая девчонка, привыкла считать своего уroda всесильным, так и не поверила, что Дэн троих таких уложит, если понадобится...

Кроме всего прочего, Брыль оказался ревнив патологически, и для регулярных сцен ему даже повода особого не требовалось. Из-за этого, собственно, и случилась вся петрушка с рыданиями на кухне и возникла нужда в грозном дяде Вите.

Коллега Макс оставил подружкам на попечение своего сына. Да, того самого, которого нагулял на работе и которого так упорно искал юный эльф. Чтобы нелегальный пришелец не мелькал на улице и не привлекал к себе внимание, ему велено было не выходить из дому, а еду девочки носили ему сами. Вот эти-то их походы и засек ревнивый Настин хахаль. И возомнил, разумеется, только то, на что ему хватало мозгов.

Скандал был страшный, с воплями, угрозами, подбитием глаза и последующим убегающим в ночь. До утра просидев в каком-то подъезде и едва дождавшись первого трамвая, Настя бросилась к подружке и теперь вот сидела и горестно повторяла между всхлипами: «Он знает, где он живет» и «Он его убьет...»

– Ну насчет кто там кого убьет, это еще вопрос, – скептически подытожила Санька. – Но Настя и сама идти проверять боится, и меня не пускает. Мама уже хотела звонить каким-нибудь папиным родственникам, но тут вот вы пришли...

– Да-а, – всхлипнула Настя, – вы бы видели этот шка-а-аф...

– Все понятно... – мрачно откликнулся Кангрэм, у которого отнюдь не вызывала восторга перспектива объясняться с полицией и разгребать последствия драки, независимо от того, чем она там у них кончилась. – Кроме одного. Как этот чертов потеряха оказался в моей квартире?

– Это я его притащила, – тут же повинилась малявка. – Я сначала не знала, кто он такой, мне надо было его куда-то девать... Я собиралась сказать папе, но тут такое случилось... папа уехал... Вы не подумайте, он тихий, аккуратный, и вообще он из наших, что говорит само за себя. Но если вы против, мы его заберем, правда, мам?

– Ладно, – проворчал Витька, поднимаясь. – Поехали. Сонь, тебе там делать, пожалуй, нечего, а эти две вертихвостки пусть собираются. Ты будешь объяснять вашему тихому и аккуратному приятелю, за что его бить приходили, а ты – оказывать ей моральную поддержку. Вряд ли я там зачем-то нужен, но мне все равно надо домой, переодеться.

– А можно мне взять папину машину? – тут же загорелась неисправимая Санька. – Мам, ну пожалуйста, а вдруг нам придется кузена к врачу везти?

– Можно, но за руль сядет дядя Витя, – твердо распорядилась Софья. – Слышишь, Вить? И не вздумай пускать Саньку за руль, тебе же потом самому придется еще неделю доказывать, что ей уже шестнадцать и у нее есть права.

– Да что ты в самом деле! Она спокойно ездит по городу на моем мотоцикле, и до сих пор никаких проблем не было. У нее же действительно права есть, и она их может предъявить любому, кто спросит!

– Вить!

– Ладно, туда я поведу сам, но назад ведь кто-то должен будет отогнать?

– Хорошо, но только назад.

– Вот и договорились. Девочки, поехали.

Как и предполагал Кангрэм, все эти дурацкие стенания «он его убьет» оказались не более чем истерикой перепуганной Насти. Вполне живой и целый постоялец самостоятельно открыл им дверь, с интересом оглядел нового человека и почти мгновенно догадался:

– Вы и есть «дядя Вить»? Приятно познакомиться. Я Диего. Вы извините, я вам тут пылесос сломал...

– Да починю я этот пылесос, – торопливо перебила Санька, – нашел о чем в такой момент... Ты лучше скажи, сюда вчера никто не приходил?..

– Приходил, – уверенно оборвал ее Кангрэм, лишь мельком взглянув на «кузена» и сразу отметив сбитые костяшки пальцев и легкую асимметрию в очертаниях лица. Как бы в подтверждение его слов из ванной послышалось отчаянное мычание. – Он что, до сих пор здесь?

Диего недобро прищурился, рассматривая Настин синяк.

– Он так убедительно грозился убить Настю, что я не рискнул его отпускать.

– А почему в ванной? – оторопел Витька, слегка недоумевая, почему «этот шкаф» до сих пор не выдернул хлипкую задвижку и не выбрался.

Санька, заинтересованно сверкнув глазенками, проворно шмыгнула мимо него и дернула дверь. Дверь оказалась вообще не заперта.

– Во-первых, чтобы не загадил пол, – деловито пояснил пострадавший родственничек. – А во-вторых, если что – там расчленивать удобнее.

Санька сунула голову в приоткрытую дверь, и секунду спустя оттуда показалась ее довольная рожица со злорадной ухмылкой от уха до уха.

– Настя, – умильно произнесла она, сощурив и без того узкие глазенки, – ты должна это видеть!

– Так, а ну-ка погодите! – Кангрем, до которого дошли истинный смысл последних слов Диего и незамутненная искренность, с какой это было сказано, решительно отодвинул обеих девушек и заглянул сам.

Да, пожалуй, Санька права – Насте и впрямь стоило бы посмотреть на своего грозного ревнивца именно сейчас. Брыль выглядел действительно жалко, скрючившись в ванне, связанный по рукам и ногам обрывками собственной одежды и мычащий сквозь набитый в рот комок тряпья. На Дельте, похоже, страдали излишним гуманизмом не более, чем на Каппе, – обнаглевший хам был крепко и поучительно бит, без лишнего членовредительства, но и без всякой жалости, до бессознательного состояния. А затем «тихий и аккуратный» жилец своего гостя добротнo связал и забросил в ванну, так как это тело и в самом деле представляло угрозу для половиков и мягкой мебели. Интересно, что бы с ним теперь делала эта веселая троица, не явись на помощь большой дядя в форме? С немалой вероятностью «кузен», смахивающий на разбойника-одиночку с пустошей, и в самом деле прикончил бы идиота без малейших угрызений совести, не слушая Настиных робких возражений. Санька – та и возражать бы не стала, еще и фрагменты выносить помогла бы.

Пленник притих, испуганно изучая Витьку, словно не знал, чего ждать от нового персонажа – то ли спасать пришел незнакомый дядя в форме, то ли добить, а может, и вовсе продать в рабство на нелегальные шахты Гаммы...

– Дядь Вить, – Санька требовательно дернула его сзади за рукав, – а отойдите на минутку на кухню, вам Диего что-то показать хочет. Вам, как лавочнику, это должно быть интересно. А мы пока полюбуемся...

– Вы б его лучше развязали пока, – посоветовал Кангрем, отступая от двери. – Если не боитесь.

– Ой, боимся! – нагло заявила бессовестная малявка. – До ужаста боимся! Даже пальцем не притронусь, пусть еще полежит. Может, не надо его вовсе развязывать? Пусть бы Диего его прирезал. А мне бы в хозяйстве пригодились череп, пара лоскутов кожи и кой-какие косточки...

– Шери, не шути так... – жалобно простонала Настя.

– Ну ладно, не буду, но ты все равно загляни! Ведь такая возможность подбить ему глаз во имя справедливости и равновесия! Ну если бить боишься, можно хоть палочкой в него потыкать...

Кангрем вышел на кухню и прикрыл за собой дверь. Он тоже не любил, когда Санька начинала острить в духе патологоанатомов и некромантов. Кроме того, ему показалось, что Диего назвал его сюда специально, чтобы сообщить что-то не для посторонних ушей. И вряд ли это «что-то» было извинениями за сломанный пылесос.

– Саша говорила, вы работаете в... такой же конторе, как... – Он запнулся, но все же выдержал легенду: – Как Макс.

– В лавочке, – машинально поправил Кангрем, изучая его поближе. Станным образом в этом криминальном потомке коллеги Макса сочетались шархийская спокойная уверенность и постоянная готовность перегрызть глотку первому, кто даст к этому повод, широко распространенная среди обитателей Каппы. – Да. В такой же, только в другой. И?..

Парень молча открыл шкафчик, дотянулся до верхней полки и добыл оттуда небольшой сверток. Двигался он легко и грациозно, пожалуй, даже чересчур для шархи. Скорее, так двигались эльфы...

– Вот эта вещь... – Он развернул сначала пакет. Затем газету. Потом кусок ткани. Потом растегнул кожаный чехол. – Еще три недели назад находилась на Дельте. Вчера я отобрал ее у этого... – Презрительно скривив губы, он кивнул на дверь, словно не находил слова, достойного для именования тела в ванной.

Тэ-э-экс... Теперь особо везучий агент Кангрем должен еще и разбираться с контрабандой, причем даже не по своей лавочке, а так, оказывать бескорыстную товарищескую помощь коллегам-«дельтовцам»...

– А ты точно знаешь, что это та самая? – со слабой надеждой уточнил он, рассматривая отливающее странным синеватым блеском кольцо. – А не похожая, например?

– Она одна такая, – коротко пояснил Диего. – Ой, нет, не трогайте, порежетесь...

– Поздно... – досадливо огрызнулся Витька и быстро сунул палец в рот. – То есть, одна?

– Артефакт. Старинный, уникальный. Другого такого нет.

– А откуда ты так точно знаешь, что это именно он, а не, допустим, копия?

– Эта вещь – моя, – сообщил пришелец с Дельты, аккуратно упаковывая свою ценность в чехол. – И кстати, о копию вы бы не порезались.

– Она такая нереально острая?

– Нет, она просто знает хозяина. И всегда возвращается, если ее потерять. Но в этот раз, чтобы она вернулась, ее должны были вывезти с Дельты и притащить сюда. А... Макс говорил, это строго-настрого запрещено. Их... лавочка специально следит за этим. Но вот... – Он непонимающе пожал плечами. – Три недели назад ее... ну, в общем... потянули у меня на Дельте. А теперь она здесь.

– Ну знаешь, парень... – усмехнулся Витька. – Вывозить людей оттуда тоже запрещено. А ты опять же здесь. Кстати, я в курсе, что Макс твой отец, так что можешь не напрягаться.

– Как попал сюда я, мне тоже хотелось бы знать, – ничуть не стушевался собеседник. – Но об этом мне спросить некого. А вот об этом, – он кивнул на стол, – очень даже есть кого.

Кангрем подпер лопатками стену и уже с откровенным любопытством уставился на этого чудака.

– Парень, ты всерьез собираешься официально заявить о контрабанде артефактов с Дельты и потребовать расследования, имея при себе липовые файлы и являясь, по сути, точно такой же контрабандой?

Диего посмотрел ему в глаза и понимающе усмехнулся. Улыбка у него получилась жутковатая, моментально напоминающая о связанном теле за стенкой и обещанном расчленении.

– Официально – нет. Но той куче дерьма, что лежит сейчас в ванне, совершенно незачем об этом знать.

– Вот как?

– Ну да. Вы сами сказали, что у меня липовые документы, и мне бы очень не хотелось, чтобы этот урод, как только я его развяжу, помчался в полицию жаловаться, что я его побил и ограбил. У отца могут быть неприятности из-за этого. А тут есть прекрасный повод сделать так, чтобы полиции боялся он, а не я. Иначе... – Он одним плавным взмахом руки подхватил со стола нож и повертел, рассматривая заточку. – Проще будет его в самом деле прикончить. Для надежности.

Это было сказано без всякой угрозы и прочих театральных эффектов, но простота и деловитость, с какой подходило к вопросу «дитя суровых пустошей», не оставляли никакой надежды, что сказанное может быть шуткой или блефом. Слишком много таких ребят видел агент Кангрем на Каппе, чтобы сомневаться. Этот – зарежет. Не моргнув глазом и не слушая возражений.

Миленько, как говаривала Дэнова маменька, осматривая очередное место преступления... Теперь из доброго дяди успешно делают пугало для битых идиотов... И ведь не откажешься при такой-то альтернативе! Нет, в самом деле, окончательно запугать и без того натерпевшегося страху придурка будет легче и проще, чем спасти его никчемную шкуру иным способом. Так что...

– Ну ладно, давай... сейчас попробую поговорить. А ты тут развлекай пока девчонок, чтобы не лезли и не мешали.

Диего подбросил на ладони нож, поймал его и с благодарной улыбкой протянул Витьке рукояткой вперед.

Извлеченный из ванны и освобожденный от пут Брыль слегка осмелел и попытался высказать свое возмущение, но моментально сник, увидев удостоверение и услышав предложение проследовать в соседнюю комнату и дать некоторые пояснения. А именно: где, когда и от кого получил нелегально вывезенный из закрытого мира артефакт, как намеревался его использовать, ну и заодно по какому праву ворвался в чужую квартиру, учинил драку и сломал пылесос.

– ...Не, ну если считаешь, что неправда, то дело хозяйское. Я так думаю, если ты начнешь винтам толковать, что шел мимо, а тебя поймали и силой затащили, вряд ли тебе кто-то поверит. Да и подумай головой, кто будет по этому делу свидетелями и что они скажут. Но это все не в компетенции агентства, так что не отвлекайся от главного вопроса. Сейчас вот только машину включим, бумажку зарядим, чтобы сразу протокол печатала, и говори вот сюда, в микрофон. Сначала личные данные, а потом – где, когда, от кого... Так, ты, парень, не выпендривайся, если не хочешь отправиться в изолятор прямо сейчас и сидеть там все время, пока лавочка будет разбираться. Или ты сейчас толкуешь мне про контрабанду, после чего пишешь расписку, идешь домой и потом только являешься в лавочку на допросы, или я вызываю специальных таких ребят, которые оформят арест и отвезут тебя куда надо. Так, для информации – это тебе не винтиловка, это лавочка. А вот это – вот это вот – не какие-нибудь радиоактивные потроха с Каппы, а магический артефакт с Дельты. Тебе это о чем-то говорит? Чучело необразованное, просвещаю: по таким делам с нами сотрудничает Темная Канцелярия. И если ты вздумаешь врать, что нашел на дороге и шел сдавать в бюро находок, тебя первый же эльф спалит без всякого ментоскопа, чисто на глаз. Ну что, ты наговариваешь протокол или мне звонить?..

Клиент оказался не только тупым, а еще и полуграмотным. Написанное им обязательство не покидать города и явиться по первому требованию в агентство «Дельта» (которое надо было именно что писать от руки) вызвало желание повторить некоторые высказывания убаса Кетменя касательно дикарей и их умственных способностей. Честно собрав все бумажки и подписи, Кангрэм с радостью вернул окончательно перепуганному Брылю его пожитки и с превеликим облегчением выставил за дверь. Получилась, правда, небольшая заминка, когда среди этих пожитков не оказалось ключа от дома, но с этим разобрались быстро. В коридор вышел Диего и коротко, но проникновенно объяснил, что ключ забрала Настя и в настоящий момент они вдвоем с Санькой собирают кое-чье барахло, чтобы выставить за дверь. Посему кое-кто может навеки забыть об этом ключе, об этой девушке, и дорогу к ее дому тоже желательно забыть как можно прочнее. Красиво изложил, гад, Витька прямо заслушался. А Брыль, которого после переживательной ночи один лишь вид вчерашнего обидчика повергал в трепет, быстро и без возражений испарился.

– Тебе бы в театре выступать, – ухмыльнулся Кангрэм, запирая дверь за убегающим «героем».

– Этим я до недавнего времени и занимался, – мрачно пожал плечами Максов сын.

– Что, серьезно? А на первый взгляд и не подумаешь.

Диего так же мрачно посмотрел на дверь и неуверенно уточнил:

– Насте точно ничто не грозит?

– Не парься. С ней же Санька. Она не даст ей наделать глупостей. Да и не посмеет этот кретин при ней выживаться. Дурак-то он дурак, но не настолько, чтобы нарываться на неприязности с вашей семейкой. От лавочки он сейчас рванет когти первым же транспортом, на какой у него денег хватит, а от ваших проклятий не скроешься. Так что расслабься и не дергайся. На вот, положи это где-нибудь... отдашь Макс, как появится. Это по его лавочке дело, пусть разбираются, если хотят.

– Спасибо. – Парень как-то неуверенно попялился секунд пять на распечатки и спросил:
– А что он сказал? Где он взял чакру?

– Там же все написано... тьфу, я не сообразил, ты ж читать не умеешь?

Пришелец вздохнул.

– Я не могу читать, – начал перечислять он, – не понимаю ни слова из того, что показывают по... монитору, не могу звонить по... телефону... то есть звонить могу, но прибор-переводчик перестает работать. Я даже вывески на лавках, мать их, прочесть не могу! Даже если они, чтоб их растак, в картинках! А когда мне Саша показала вот такую пластинку и сказала, что это деньги...

– Хреново, – согласился Витька, вспомнив вчерашнюю «дезактивацию» и комментарии Кетменя по этому поводу. – Тебе ж тут, наверное, скучно до чертиков!

– Ну а как вы сами думаете... Саша обещала, что это ненадолго, что меня отправят домой, как только появится Толик, а он почему-то, как назло, перестал появляться...

– Так вот, давай договоримся: не фиг называть меня «дядей» и на «вы». Вряд ли я тебе в отцы гожусь. Это во-первых. А во-вторых... ты водку пьешь?

– Да, – без колебаний согласился Диего и даже вроде бы обрадовался... Впрочем, чего б ему не обрадоваться – сидит тут один, ни в магазин сходить сам не может, ни заказать по телефону, харчи ему носят две недорослые пигалицы, которые сами принести выпить не догадуются, а просить вроде как неловко...

– Значит, так. Сейчас я переоденусь во что попроще, и мы с тобой сходим сначала в магазин, а потом... Не знаю, как тебе, а мне после того, что у меня вчера было на работе, срочно требуется... не то чтобы выпить... скорее, нажраться как следует.

– Очень своевременная мысль, – грустно кивнул потенциальный собутыльник. – Меня она не покидает уже недели две...

– Шеллар!

Советник неторопливо оторвал взор от очередного маловразумительного лунного отчета казначейства и взглянул на часы. Затем на растерянного Харгана.

– Что стряслось? – поинтересовался он, всматриваясь в разноцветные глаза демона.

Что стряслось, он знал еще с утра, и сейчас его больше всего интересовала реакция господина наместника (хвала небу, и суток не прошло, как обнаружил). Непохоже, чтобы происшедшее привело шефа в ярость или заставило страдать, однако он выглядел обнадеживающе огорченным. Выражение вселенского непонимания во взоре начальника тоже не укрылось от наблюдательного советника. Не совсем ожидаемая реакция, все же Шеллар считал этого парня догадливей, но и с этим можно работать. Просто немного разъяснить господину наместнику некоторые мелочи...

– Камилла пропала, – произнес Харган тоном капризного ребенка, у которого конкуренты в песочнице отняли совочек. Любимый, желтенький.

– Когда и где ее видели в последний раз? – Стандартный вопрос вырвался рефлекторно, но вполне сгодился для завязывания разговора.

– Да брось, я уже сам поискал и весь департамент Безопасности наскипидарил вкупе с дворцовой стражей... Уехала госпожа Камилла утром в лавку за новыми панталонами и не вернулась. По странному стечению обстоятельств, для покупки панталон ей почему-то понадобилось прихватить с собой все свои деньги и драгоценности, а также кое-что из одежды.

– Карета, лошадь, кучер? – деловито перечислил Шеллар.

– Мастер Чань не глупее тебя, карету уже ищут. Как думаешь, найдут?

– Карету – найдут, если не нашлось наглецов прикарманить имущество ордена. Кучера – возможно. Камиллу – нет.

– Чань тоже так сказал, – грустно вздохнул наместник и привычно оседлал стул. – Он считает, что Камилла сбежала. Вместе с кучером.

– Необязательно. Кучер мог удрать сам, просто с перепугу. Если нашему главе департамента Безопасности нечем больше заняться, пусть ищет, но смысл? С пропажей кареты прекрасно разберется полиция. И что вообще такого значительного в этом происшествии, что вы лично взялись руководить поисками и примчались в два часа ночи мне об этом сообщить?

– Ты что, не понял? – раздраженно дернул хвостом Харган.

Шеллар давно уже заметил – ничто так не выводит шефа из равновесия, как равнодушное отношение окружающих к вопросам, о которых лично он переживает и беспокоится.

– От меня сбежала Камилла!

– Она была вам так дорога или сей факт просто задевает ваше самолюбие? – поинтересовался советник, мигом изобразив на лице живейшее участие, дабы господин начальник не передумал общаться с таким бесчувственным собеседником.

– Не знаю... – Похоже, наместник впервые за сегодняшний вечер задумался – а почему, собственно, он взволновался из-за пропажи? – Как-то неожиданно все случилось, а я к ней успел привыкнуть... Не знаю... Просто непонятно – почему?

– О, это как раз предельно понятно, – пожал плечами Шеллар. – Она опасалась, что вы не отпустите ее, если она пожелает уйти открыто, потому и сбежала тайком. Кстати, я подозреваю, что у нее были все основания для подобных опасений. Или я не прав? Если бы Камилла подошла к вам и сказала: «Прощай, дорогой, я покидаю тебя навсегда» – что бы она услышала в ответ?

Демон задумался. Одним из верных способов заставить божьего посланника шевелить мозгами были как раз вот такие неожиданные вопросы, на которые у него не находилось готового стереотипного ответа.

– Я так и предполагал, – сочувственно кивнул Шеллар спустя пять минут, устав ждать, когда любезное начальство до чего-то додумается. – Вы сами не знаете – то ли проводили бы с прощальными подарками, то ли вышвырнули в чем есть, то ли отдали кому-нибудь из подданных, то ли убили бы на месте. Камилла, как я уже говорил, любит прикидываться дурой, но нас, мужчин, она понимает на подсознательном уровне. Полагаю, о вашей импульсивности она осведомлена не хуже меня, поэтому и сочла неразумным рисковать жизнью, прощаясь с вами.

– Но почему?

– То есть? – уточнил Шеллар, делая вид, будто не понял вопроса и не заметил в голосе грозного наместника все той же детской тоски по утерянному совочку.

– Знаешь, может, я действительно не могу теперь, задним числом, решить, как бы я поступил. Но по крайней мере я мог бы задать ей этот вопрос – почему? Ты ни грака не понимаешь, что я от тебя хочу! Мне неинтересно, почему она сбежала тайком, а не ушла открыто! Я не могу понять, почему ей вообще взбрело в голову уйти?

– Ах вот оно что... – Шеллар откинулся на спинку кресла и выдержал паузу, какой позаиводовал бы сам маэстро Карлос. Когда же бедный начальник под его пристальным взглядом неловко заерзал, ощущая себя учеником, который облажался, но не может понять, где именно, жестко произнес: – А как ты думаешь, парень? Ты же ее затрахал до полупризрачного состояния! Я вообще не представляю, что надо было делать с Камиллой, чтобы за одну луну из здоровой цветущей бабы превратить в шатающуюся на ветру бледную немочь с вот такенными синими кругами под глазами!

Божий посланник задохнулся от возмущения, свернутые крылья под плащом произвольно зашевелились, а обрубок хвоста быстро и мелко задергался.

– Да она сама! – негодуяюще воскликнул он, не находя более вразумительных слов, и в этот момент до боли напомнил Шеллару нашкодившего Мафея. – Сама же предложила! Я что ее, силком заставлял? Нет, я мог бы, но она же сама!..

– Именно, – вздохнул Шеллар, чего-то подобного и ожидавший в ответ. – «Мог бы, но она же сама...» Господин наместник, не будьте ребенком. Вас так удивляет, что женщина не стала отказывать вам в том, что вы могли бы взять, не спрашивая ее согласия?

– Шеллар, брось полировать мне гребни! – разозлился Харган. – Ни одна женщина этого, мать его так, дворца, этой, мать ее разэтак, страны и всего этого мира, мать его перетак, не приперлась ко мне в первый же день предлагать себя! А эта пришла! Сама! И трясла тут передо мной сиськами! А луну спустя оказывается, что она от этого ах как невыносимо страдала, и я во всем виноват! Ладно, я верю, она боялась от меня уйти, но сказать, что именно не так, она тоже боялась? Объяснить, попросить, пожаловаться? Я ведь не ставил себе целью затрахать ее насмерть! Она мне живая больше нравилась!

Советник терпеливо улыбнулся. Некоторые вещи туго доходят до юнцов вроде почтенного начальника... Приходится объяснять на пальцах...

– Конечно, если бы Камилла желала выстроить с вами прочные и долгие отношения, она бы непременно нашла способ и обсудить, и объяснить, и заставить вас понять. Но поскольку успела убедиться, что вы – ее величайшая ошибка в этой жизни и отношения с вами не имеют перспективы, она предпочла просто уйти. Раз все равно ничего не выйдет, зачем лишние сложности?

– Подожди, а какой еще перспективы ей было надо?

– Вы меня опять удивляете, господин наместник. Вроде взрослый человек... Вы хоть раз задавались вопросом: почему Камилла вообще с вами связалась и почему явилась к вам предлагать себя в любовницы?

Судя по озадаченной физиономии демона – не задавался.

– Я уверен, она много раз вам намекала, что желает получить что-то взамен, но вы оказались поразительно невосприимчивы к намекам. А задаром Камилла, извините, не обслуживает. Только вот не надо теперь вопрошать, не могла ли она сказать простыми словами. Не могла. Все-таки не придорожная шлюха. Да и клиент не конюх какой.

Наместник продолжал молча обрабатывать поступающую информацию. Где-то глубоко, под костяными гребнями, шла титаническая работа мысли, отголоски которой неясно мелькали на малоподвижном лице. Покинутый любовник смутно чувствовал, что его обидели, где-то она сидела, эта обида, невидимой колючей занозой, но вот объяснить себе, в чем суть этой самой обиды, он никак не мог. Подумать только, советник должен объяснять главе державы, на что ему следует обижаться...

– Простите, господин наместник... – скорбно произнес Шеллар, намеренно мешая раскаяние с сочувствием. – Я даже не подумал, что вы ожидали от Камиллы большего, чем она могла предложить... Вы всерьез полагали, что нравитесь ей?

На самом деле вряд ли парень вообще о чем-то думал, падая в гостеприимные объятия труженицы будуара, но если вовремя и аккуратно направить его мысли в нужное русло, он и не усомнится в том, что именно так и думал с самого начала. А уж у Шеллара, с его многолетним опытом разочарований и обид, найдется чем царапнуть пылкое сердечко юного балбеса.

– Ты уже уходишь?

– Я бы остался с тобой хоть навсегда, но... опаздывать – это неуважение к наставнику.

– За которое можно получить нехилую нахлобучку. – Откуда-то из-под натянутого на голову одеяла донеслось беззаботное хихиканье. – Ладно, беги... Деньги на тумбочке оставь.

Уже наклонившийся, чтобы поцеловать на прощанье первую женщину в своей жизни, юный любовник застыл, словно обездвиженный сразу дюжиной заклинаний. К счастью, при-

родная сдержанность не позволила ему задать глупый вопрос «Какие деньги?» и окончательно выставить себя идиотом.

– Да, конечно... – небрежно произнес он, нашаривая кошелек. – Сколько?

Лица его зарывшаяся в подушки девица видеть не могла. Тоже к счастью. А то еще испугалась бы. А так дело ограничилось лишь легким удивлением – почему же этот богатый клиент больше ни разу не пришел? Ведь собирался...

– Юноша, вы болван.

Бабушка Джессика знала абсолютно обо всем, что происходило во дворце, даже если это происходило за закрытыми дверями спален, и, давая оценку случившемуся, частенько жертвовала вежливостью и тактом ради пущей точности.

– А также безнравственный кобель и взяточник. Да-да, взяточник, причем самой мерзкой разновидности: мзду получили, а выполнить свою часть сделки не в состоянии. И вернуть... гм... взятку тоже никак не получится. Разве что женитесь на этой бестолковой недотепе, которую обесчестили.

Пылающий от стыда заместитель главы департамента по порядку осмелился вставить:

– Боюсь, она не согласится...

– Еще бы! Она еще несколько лет теперь заикаться будет при одном воспоминании о вас! А жаль. Был бы вам прекрасный урок на всю жизнь. А теперь потрудитесь объяснить, как вы дошли до жизни такой.

– Она ждала меня в моей постели, и я подумал...

– Подумал? О боги, он «подумал»! Юноша, думают люди головой, вы же явно действовали противоположным местом, в котором ни капли мозгов не содержится, как уверяет современная медицина. В вашем возрасте, при вашей должности пора бы уже понимать: если вы вдруг находите в своей постели женщину, это вовсе не значит, что она без памяти в вас влюблена и истомилась от возжелания до полной потери рассудка! Если бы вы в самом деле подумали – ну хотя бы самую малость! – то для начала вы бы зажгли свет и взглянули, кто забрался в вашу постель! Вы же немедленно вскочили на свое неожиданное приобретение, подобно горному козлу, торопясь поскорее им овладеть, пока не передумало!

Все было немного не так, но возражать Шеллар не осмелился. Некоторая неточность в деталях не отменяла его провинности в целом.

– Уж вас-то я считала умнее, но, вижу, традиционное мужское доминирование члена над мозгами не обошло и вас. К вашему сведению, это запросто могла оказаться наемная убийца. Это могла быть любого вида подстава – представьте себе, что в разгар веселья вдруг вспыхивает свет, вваливается несколько свидетелей, и вы опорожены до конца жизни. Вам еще повезло, что дело ограничилось банальной взяткой, вы не находите?

– Если бы она сразу сказала... – обреченно пробормотал посрамленный взяточник.

Старушка перевела дух и жестом прокурора, обличающего закоренелого преступника, указала на заместителя длинным прокуренным мундштуком.

– То, что она такая дура, тоже ваше счастье. А ее маменька не просто дура, а еще и сволочь – невинную девушку заставлять хлопотать таким образом за брата-уголовника... В результате мы имеем попытку подкупа должностного лица, за которую эта самая мамаша и будет отвечать. Девчонка действовала по принуждению, а вы, как лопух последний, ничего не знали и не подозревали, потому что она вам с перепугу ничего не сказала и не объяснила. Но запомните на будущее – если вы впредь найдете у себя в спальне неизвестно откуда взявшуюся даму, не забывайте на радостях, что у вас, кроме всего прочего, есть еще и мозги! Которыми следует подумать, прежде чем что-то делать!

О связи главы департамента с красавицей Мальвиной знали все.

Об истинных его чувствах к ней не знал никто (обнаруженное впоследствии исключение было единственным и к делу не относилось).

Не знал о них и Флавиус, но, движимый потомственными классовыми инстинктами, заводил с начальником разговор о своих подозрениях поостерегся. Нюхом чувствовал, что ему могут не поверить.

Разрабатывали Мальвину целую луну и взяли с поличным на передаче документов.

Флавиус немного удивился, когда начальник отказался от в высшей степени разумного предложения использовать раскрытого агента в своих целях, но возражать не стал.

Ни на дознание, ни на казнь Шеллар не пошел. Вид чужих страданий и смерти никогда не доставлял ему удовольствия, а любое напоминание о Мальвине отчего-то вызывало брезгливость и желание вымыть руки.

Следующим шпионкам, пришедшим на ее место, повезло больше. Они благополучно потребляли заготовленную для них дезинформацию и уходили живыми.

Потому что к ним глава департамента оставался равнодушен.

– Так что, – завершил свой рассказ Шеллар, – продажная любовь не делает человека счастливым. В лучшем случае оставляет равнодушным. В худшем – заставляет чувствовать себя обманутым и сомневаться в собственной полноценности. Особенно если ты немного не такой, как все. Словом, не стоит переживать об удравшей Камилле. Это все – мишура, подделка, не настоящее.

– А бывает что-то настоящее?

– Бывает. Но о настоящем я расскажу вам в другой раз, господин наместник. Когда вы будете готовы это воспринять.

– А сейчас я что – не готов?

– Нет.

– Почему?

– Потому, что сейчас вам кажется уместной альтернативой завести несколько рабынь, поднять свежую покойницу или выбежать на улицу и изнасиловать первую попавшуюся прохожую. Вот когда вы поймете, что это еще хуже и гаже, чем то, о чем я вам поведал, тогда и можно будет с вами говорить о чем-то большем.

– Да чем оно хуже-то? – Харган воззрился на нового наставника с искренним непониманием.

– Разницу между торговлей и грабежом вам следует объяснять с привлечением цитат из толкового словаря? Простите мою откровенность, господин наместник, но привычный вам тип отношений – удел убогих. Остановившихся в развитии на уровне животных. Не способных ни на что большее. И вам он всегда казался приемлемым лишь потому, что ничего лучшего вы в своей жизни не видели и не пробовали. А стоило попробовать – и вы уже обеспокоились причинами внезапного ухода Камиллы. Задумались, начали задавать вопросы – «почему?», «как?», «зачем?». Кстати, это закономерно. Вы от природы эмоциональны, как все демоны, а наставник к тому же научил вас осмысливать окружающий мир и собственные поступки. Так что остановиться в развитии вы никак не могли и рано или поздно все равно заинтересовались бы, как оно бывает иначе.

– И как? – Судя по тому, как скрипнул зубами несдержанный демон и как мелко задергался его хвост, от повторного мордобития советника отделяло лишь несколько неудачно сказанных слов, поэтому он тут же постарался сбить сердитое начальство с толку и немного отвлечь.

– Прошлым летом, когда вы готовили на меня покушение в Эгине, вы ведь перед этим не один вечер наблюдали за пляжем? Верно? Значит, вы сами видели, как бывает иначе.

Харган не ответил. Молчал. Вспоминал. Пытался понять. Ведь и в самом деле не тупой.

– Я буду рад поговорить с вами об этом позже, если вам все еще будет интересно. Но вам действительно нужно все осмыслить, а мне, к сожалению, необходимо разобраться, куда брат Гельби ухитрился девать такую прорву денег всего за две недели. Вы ведь сами мне это поручили. Кстати, зря вы все-таки заменили казначея.

– А что, пусть бы дальше воровал? – угрюмо отозвался наместник.

– По крайней мере, он умел составлять отчеты, в которых я мог разобраться. А наш добрый брат написал тут художественное сочинение на тему «Тяжкий и неблагодарный труд самоотверженного брата Гельби на благо ордена, и вообще, о каких деньгах речь?» Этот невнятный, безграмотный и полный арифметических ошибок опус вызывает у меня подозрения, что наш новый казначей попросту не знает, откуда у него в казне что берется и куда девается. Неужели у Джарефа не нашлось никого... более подходящего для этой работы?

– Брат Гельби целых пять лет ведал казной ордена! – обиделся за верного соратника Харган. – Кого же еще Джареф мог предложить на эту должность?

– Понятно... – вздохнул Шеллар. – Я боюсь спрашивать о максимальной сумме, с которой он когда-либо имел дело, равно как и о количестве расходных статей, которыми он оперировал. Придется нам с вами выделить время и провести ревизию. А также подобрать для брата Гельби подходящего наставника из старых, опытных финансистов казначейства. Не заниматься же мне этим лично, в самом деле!

Комната на третьем этаже левого крыла дворца, та самая, в которой Ольга провела несколько лун своей придворной жизни, теперь выглядела иначе – словно в ней какое-то время жили другие люди, а потом не жили вообще. На книжной полке, прежде забитой книгами, сиротливо стояли, покосившись, несколько томиков в розовых обложках, зато на трюмо теснились запыленные флакончики, баночки, скляночки, щеточки и прочая утварь для физиономической живописи и волосяного плетения.

Как она сюда попала, Ольга не могла вспомнить, выйти, чтобы у кого-нибудь спросить, тоже не получалось – дверь была заперта снаружи. Хотя, кроме запертой двери, ничего страшного вроде бы не наблюдалось, девушку почему-то охватило уже знакомое ощущение, что происходит нечто жуткое. Примерно то же она чувствовала в памятном сне-проклятии, пробираясь по коридору с покойниками.

Не вполне понимая, что происходит, но заранее ожидая какой-нибудь пакости, Ольга прошлась по комнате, пробуя на вес различные предметы. Рано или поздно дверь кто-то откроет, и, если этот «кто-то» действительно попытается ей угрожать, лучше иметь под рукой подходящее для вразумления оружие...

Однако все ее отважные замыслы рассыпались, подобно разбитой когда-то коробочке с пудрой, когда, рывком распахнув дверь, в опочивальню шагнул лично господин Харган, наместник и правая рука бессмертного бога, незабвенный «птеродактиль» с танковой броней по всей башке, которую фиг просто так прошибешь бронзовой вазой или деревянным стульчиком, не говоря уж о жалком ночном горшке из хрупкой керамики.

В один миг Ольга вспомнила перестрелку у Оплота Вечности, представила себе, какие «нежные» чувства должен питать господин наместник к особе, покалечившей ему крыло, и поняла, что сейчас ее попросту съедят живьем. Вот этими вот зубами, которые демон только что показал, ухмыляясь. И вопрос, трахнут ее перед этим или нет, мелок и незначителен.

Алый плащ взлетел парусом и безошибочно осел на спинке ближайшего стула. За ним последовала шляпа. Разноглазое чудище, продолжая ухмыляться во всю пасть, сделало несколько шагов вперед и бесцеремонно сцапало Ольгу за подбородок серой кожистой лапой, похожей на перчатку.

Ну почему нормальные дамы в таких случаях падают в обморок, а у нее хоть бы голова закружилась, стоит себе дура дурой и дрожит от страха?! Позорище!

Два ярких разноцветных глаза, похожих на огоньки в елочной гирлянде, пристально и чуть насмешливо всматривались в ее лицо. Казалось, ее страх доставляет демону некое зло-радное удовлетворение.

– А без винтовки ты не такая смелая, – негромко прошипел наместник, вздернув ее за подбородок и наклонившись так, что их лица почти соприкасались.

Ольге показалось, что она уже умерла, и страх вдруг опал с нее, как разбитые оковы, сменившись истерической вседозволенностью человека, которому нечего терять.

– Да пошел ты! – еле выдохнула она, не отводя глаз.

Цветные огоньки мигнули ярче, холодным недобрым светом; серая рука стиснула подбородок, словно тисками, и коротким резким движением повернула в сторону.

Противно хрустнули позвонки, в глазах потемнело, а в голове словно взорвалась маленькая алхимическая лаборатория...

А потом кто-то рядом недовольно произнес:

– Ну кто там грохочет, спать не дает! Ольга, опять ты мимо входа промахнулась? В кусты надо перед сном ходить, чтобы ночью не биться головой в стенки!

– Да нет, хрень какая-то приснилась... – Ольга, все еще дрожа от испуга и потирая ушибленную голову, улеглась на место и закуталась в одеяло. – Тьфу ты, зараза... Надо ж было так вскочить...

– А-а... – сонно протянула мадам Катрин. – Тогда, раз ты все равно вскочила, пни там хорошенько дону Мигеля. Под его храп и не такое присниться может...

Глава 4

Муми-мама начала узнавать знакомые места.
Т. Янссон

«Сколько раз я себе обещал никогда больше не пить с Элмаром...»

Это была первая связная мысль, которой удалось прорваться сквозь традиционные круги в глазах и мутную тупую боль в голове.

«Я хоть добрел домой или... а где мы вообще пили?..»

Кантор с отвращением открыл глаза. Память где-то шлялась по своим делам, внутренние голоса помалкивали.

Окружающий мир немного прояснился и предстал перед похмельным взором товарища Кантора в виде огромной белой ромашки на синем фоне.

«Приходил Орландо? – попытался воззвать к загулявшей памяти мистралиец. – Мы что-то курили? Или...»

Он чуть приподнял голову, чтобы расширить обзор, и обнаружил, что сказочный цветочек является не плодом больного воображения, а фрагментом интерьера. И что таких цветочков здесь аж целый диван и еще два кресла.

«Если мы еще и по борделям прошлись, Ольга мне это припомнит...»

В слабой надежде, что подобная расцветка мебели может иметь какое-нибудь более невинное объяснение, Кантор повернул голову, огляделся и тут же с глухим стоном уткнулся лицом в согнутый локоть.

Память со злорадной исправностью откликнулась на зов и вернулась к своим обязанностям.

Почему-то люди частенько идут на поводу у собственных заблуждений, и одно из них гласит, будто приличная доза алкоголя – верный способ забыть о несчастьях и бедах, особенно о тех, которые нельзя никак исправить и нужно только пережить. Увы, подобное забвение не длится дольше одной ночи (если только эта ночь не заканчивается белой горячкой и продолжительным визитом в приют для умалишенных). Особая злая ирония ситуации заключается в том, что, даже пробудившись утром с провалами в памяти, искавший забвения первым делом пытается вспомнить, где он находится, как сюда попал, что и с кем вчера пил и по какому поводу. Разумеется, в отличие от первых двух-трех вопросов последний оказывается самым простым и доступным, и бедняга с огорчением вспоминает, что пил как раз для того, чтобы забыть.

«Ну что, помогло?» – поинтересовался внутренний голос.

«Ага, минуты на полторы», – зло откликнулся второй такой же.

В какой момент их стало два, Кантор точно не помнил, потому что голоса были очень похожи и он долгое время по привычке считал их одним, пока однажды они не начали ссориться между собой. Кажется, все-таки после Лабиринта. По крайней мере, это было самое логичное объяснение. Но могло такое случиться и раньше. Оправившись от первого впечатления, весьма близкого к шоку и едва не сведшего Кантора обратно в Лабиринт, он вмешался в разговор своих голосов и категорически заявил: «Вас там двое, вот между собой и общайтесь, только так, чтобы я вас не слышал!» К сожалению, бесстыжие голоса слушались не всегда и периодически все же набирались наглости обратиться к нему.

«Заткнулись оба! – отозвался Кантор. – Не до вас! Меня и так за психа держат, а если кто увидит, что я с похмелья сам с собой разговариваю...»

Кажется, началось все с двух полуквартых бутылок на кухне великодушного дяди Вити. Не зря, ох не зря первым делом по пробуждении вспомнился принц-бастард Элмар – этот

рыжий верзила мало того что напоминал окультуренного варвара с поэтическими наклонностями, он и пил точно так же.

Поначалу Кантор опасался, что им не о чем будет говорить: у него свои секреты, личные, у лавочника свои, служебные, единственные общие знакомые – девочка Саша да ее подружка Настя, а обсуждать их – как-то не по-мужски... Разве что поинтересоваться, что за странность такая приключилась с Сашиним возрастом. Девочка решительно не пожелала об этом говорить, а настаивать было неуместно и бесполезно. Может, друг семьи что-то об этом знает? А то как-то уж больно похоже на один случай противоположного перекоса в возрасте, с которым Кантор не так давно столкнулся в своем родном мире. Нет ли тут какой закономерности?

Узнать что-то толком не удалось. Виктор то ли еще недостаточно выпил, то ли действительно настолько плохо разбирался в вопросе. «Спроси лучше Дэна, как вернется, – сказал. – Или отца спроси, они тебе толковее объяснят. Малявка по детской дури вляпалась со своей магической наследственностью. Одноклассница ее в школе чем-то обидела, а она в отместку прокляла, а оно возьми и сработай. Но дети в своих обидах не умеют соразмерять... как там Дэн говорил?... должное и излишнее. Вот этим излишком по ней и вдарило. Это то, что я в общих чертах знаю. А как оно там в точности получается – пусть кто-то расскажет, кто в этом разбирается... Чего сидишь, наливай».

И понеслось...

Звякает горлышко бутылки о край стакана, булькает прозрачная жидкость, жирным влажным шлепком валится с перекошенного бутерброда кусок не то рыбы, не то мяса...

– Мя-а-а-а-аву-у-у-у!

– А это что еще такое?

– Это моя кошка. Она сначала тебя стеснялась, но как учуяла, что здесь едят, мигом начхала на условности. Кира, кис-кис... на, и попробуй только понюхать и отворотить морду.

– Странное имя для кошки.

– Для одноглазой – в самый раз. Ты не против, если она тут поживет?

– Да пока-то ладно, а как ты уедешь домой, куда ее девать? Я же здесь бываю раз в месяц, а то и реже. С собой заberi, что ли. У вас там кошки водятся?

– Конечно. Станный вопрос.

– А чего странного? Вот, например, на Каппе... ну где я работаю... там кошки не водятся. Так заберешь?

– Не знаю... Может, Настя возьмет... А то я что-то сомневаюсь, что Кире это понравится.

– В смысле, кошке?

– Как раз не кошке.

Дзинь-дзинь. Буль-буль.

– О, пока мы не забыли... Ты же так и не прочел, что на этой бумажке написано!

– Да ну ее, пусть Санька тебе прочтет, если интересно, только на фи́га? Ну сказал этот хмырь, что обобрали какого-то пьяного, правда это или соврал – я не знаю, и ты не знаешь... Может, ограбили кого или из чужой машины украли, что это меняет? Не пойдешь же ты дальше расспрашивать. Пусть Макс разбирается. А эта штука в самом деле артефакт? И она волшебная?

– А ты думал? Она меня даже в другом мире нашла.

– Как же ты такой красотой разжился?

– Она сама выбирает хозяина.

– Да ты что?

Для поддержания разговора Кантор поведал историю чакры Трех Лун, насколько знал сам. На протяжении его рассказа «дзинь-дзинь» и «буль-буль» повторились еще несколько раз, по каковой причине оба собутыльника почувствовали друг к другу то особое доверие, от которого так настойчиво предостерегал когда-то своих подчиненных непьющий Амарго. Для Кан-

тора этого оказалось недостаточно – то, о чем он молчал, было глубоко личным, и делиться таким он не стал бы даже с лучшим другом или отцом Себастьяном, не говоря уж о случайном знакомом. А вот у Виктора все тайны оказались служебными. Ведь сто раз прав был товарищ Амарго...

– Слушай сюда, – уже не совсем твердо и слегка сбиваясь на длинных словах, заговорил папин коллега. – Ты умеешь хранить секреты?

– До сих пор никто не жаловался, – с готовностью отозвался Кантор.

– Так вот. Щас я тебе солью служебную тайну, чтоб не трепался нигде. Твои приятели, которые потерялись, пока ты... ну того... – он красноречиво повертел пальцем у виска, – они все нашлись и все в порядке. Вот только вчера они сидели у меня в лавке и искали зеркалом сначала тебя, а потом Повелителя.

– То-то мне показалось, что кто-то на меня опять пялится! – тут же вспомнил Кантор. – Не показалось, значит! Мафей все-таки научился продираться дальше стен дворца!

Конечно, не мешало бы этим двум болтунам языки повыдергивать, но за то, что они выжили и нашлись, Кантор готов был простить даже сочувственные обсуждения своей персоны с посторонними.

– Мафей как раз ни хрена и не научился, а вот их приятель-волшебник... как же его... а, мэтр Вельмир...

– Твою мать! – Кантор от полноты чувств подскочил на стуле и стукнулся головой о шкафчик. Нехило так стукнулся, до сих пор шишка... – Они же этого Повелителя уделают в два счета и со всем покончат в считанные дни, а я здесь сижу и ничего не застану! Виктор, ты можешь взять меня с собой туда?

– Как? В карман посадить? Успокойся и сядь, в лавочке все под контролем, я отсюда бутылку водки протащить не могу, не то что живого человека.

– Но как-то же я сюда попал?

– Ты сюда попал, потому что случайно в портал шагнул. Только не раскатывай губу насчет покараулить на кладбище, там уже лавочки все огородили и занесли в реестры. Расслабься и жди Толика. Наливай.

Дзинь-дзинь. Буль-буль.

– Ты хоть сообразил, что твой приятель-переселенец Настин брат?

– Что тут соображать, на надгробии портрет имеется.

– А ей ты что-то говорил?

– Нет.

– О, теперь верю, что умеешь промолчать где надо.

– А ребята тебе не говорили, что у нас-то там делается?

– Кое-что, в общих чертах... Ну сам понимаешь, что можно сказать чужому человеку, который не в курсе?

– Ну хоть в общих? Лондра и Поморье еще стоят?

– Вроде бы... Если Мафей мотался в это самое Поморье к родичам и привозил из Лондры мэтрессу Морриган, значит, там все путем, правильно я думаю?

– О, мэтресса Морриган... – согласился Кантор и от дальнейших комментариев воздержался, дабы не ляпнуть спьяну чего-нибудь губительного для языка.

– Да, таких женщин сейчас нечасто встретишь... – грустно согласился Виктор. – А и встретишь, тут же окажется, что она триста лет ждала другого и вот только сейчас дождалась...

– Я так понял, меня вы нашли. – Кантор поторопился увести разговор подальше от персоны мэтрессы Морриган. – А Повелителя?

– А ты думаешь, что мне сегодня снилось и чего я вот в пьянство вдавился? Ты бы видел эту образину!

– Что, такой страшный?

– Такой гадостный!

– А-а. Наливать?

– А что, смотреть на нее?

Дзинь-дзинь. Буль-буль.

– А ты что, и правда в театре играешь?

– Не похоже?

– Ну с одной стороны... ты на деда здорово похож, а он уж на всех экранах примелькался. А с другой... я как-то подумал, ты чем-то посерьезнее занимаешься. Рожа у тебя, приятель, такая... специфическая... Опять же тело это в ванной... раза в полтора тебя крупнее тело-то, так, между прочим...

– Ага. А еще я музыку пишу.

– Серьезно? А мой старик стихи писал. Ты не слышал... а, ну я тормоз, нашел что спросить, где бы ты слышал... Щас я тебе поставлю...

– Я же не пойму ни слова... – тоскливо напомнил Кантор.

– А, твою мать... я забыл... Погоди, я тебе сам спою...

Он долго копался в шкафу, что-то ронял, ругался, потом нашел гитару и обнаружил, что на ней не хватает струны, путано и косноязычно вспоминал, при каких обстоятельствах эту струну порвал, зачем-то попробовал настроить оставшиеся и порвал еще одну...

Ах да, точно, вот так они и ушли из дому. Виктор загорелся идеей познакомить Кантора с творчеством своего отца, но сначала недосчитался струн, потом у них кончилась выпивка, а еще он признался, что исполнитель из него тот еще... И пошли они... Куда же они пошли?... Сначала в магазин, да, точно, он еще объяснял отсталому варвару, как пользоваться этими их «деньгами»... А потом они пошли в гости к некоему Гаврюше, который вроде бы должен был решить все их проблемы. Ибо он сам писал музыку на упомянутые стихи, умел играть на гитаре как положено, а не как Виктор, а еще у него дома была целая гитара, и вообще он был еще живой. В отличие от великого поэта.

А потом оказалось, что мир катастрофически тесен и все вокруг либо родственники, либо знакомые – точь-в-точь как в пьесах маэстрины Вероники. Пухлый, похожий на Толика маэстро Гаврюша в самом деле приходится Толику отцом, а Саше – дедушкой, а сам Толик, выходит, ее дядюшка, а она не сказала, маленькая скрытная вредина...

«М-да... а вот потом... кажется, три последние бутылки были лишними... Молчать, два придурка, я сказал, три, значит, три, а не две и не пять... до тех пор я все помню! А вот после – уже не очень...

Да, скандал, конечно, получился некрасивый, но кто это молодое дарование просил лезть со своим «творчеством», когда я слушаю маэстро! А маэстро ведь действительно великолепен, даже его голос не в силах испортить такие стихи и такую музыку! Кто это из вас сказал? Я на тебя посмотрю, когда тебе седьмой десяток пойдет! Когда тут одышка, а там артрит, а Огонь все равно полыхает, и никуда от него не денешься... И нечего было этому сопляку даже соваться со своими бестолковыми ученическими поделками, неужели сам не видел, как это все жалко и убого... Ну ладно, я понимаю, он пришел не ко мне, а маэстро человек деликатный и молодые дарования обижать стесняется... Ну я же не знал. Ну в этом-то вы меня оба должны понимать! Вы же оба – это тоже я! А я не деликатный и не стесняюсь. Если ученик наваял бездарное не пойми что, я так и сказал. Я и Плаксе всегда так говорил... В конце концов, я ж его не ударил! Нет уж, если бы я очень сильно хотел, меня бы и Виктор не удержал, и не в том дело, что он мужик здоровенный, а просто он сказал, что маэстро не любит, чтобы в его присутствии люди морды били, вот я и послушался. Исключительно из уважения к маэстро, а вовсе не потому, что Виктор этого юнца заслонил своей широкой спиной.

Ребята, вас что, послать сами знаете куда? Чтобы я еще от ненормальных голосов нотации выслушивал и указания, что мне надо делать, а что нет? Вовсе я не «на подначки повелся»,

мне в самом деле захотелось что-то спеть! В первый раз после того, как... Понимаешь, идиот, спеть, а не выброситься в окно! Да, нехорошо, конечно, свою тоску черную на чужих людей вываливать, но я уже был совсем пьян и эманацию не удержал бы, хоть пой, хоть не пой. А ты вообще ерунду какую-то городишь, от кого я должен тут конспирироваться? Кто здесь когда-либо слышал обо мне и кто здесь узнает мои «Хинские колокольчики»? Заткнитесь оба, без вас тошно, и башка трещит...»

Ругань с внутренними голосами прервал вполне реальный, «внешний» голос, вопрошающий в пространство:

– Тут хоть кто-нибудь проснулся? Полон дом молодежи, и некого за пивом послать!

– Ну проснулся... – честно откликнулся Кантор и, сделав над собой нечеловеческое усилие, осторожно поднялся. В соседнем кресле спала какая-то юная особа, свернувшись калачиком и пристроив голову на подлокотнике. Под столом валялся парень, но не тот, с которым вчера поскадали. В углу, на разложенных диванных подушках, располагался еще один. – Только в деле добычи пива ничем помочь не могу.

– Что, так плохо? – участливо поинтересовался маэстро Гаврюша, одновременно с ним оглядывая комнату. Дрыхнувшая молодежь не подавала признаков пробуждения.

– Я не знаю дороги и не умею пользоваться денежной картой, – пояснил Кантор. – Вчера Виктор мне показывал, но я был уже пьян и ничего не помню. Кстати, где он сам? И который час? У меня там кошка не кормлена...

Маэстро растерянно оглянулся, зачем-то снял очки и тут же снова надел.

– Ой, а Витюша-то ушел... – беспомощно хлопая глазами, сообщил он. – И не сказал ничего... И ключа не оставил...

– У Саши должен быть другой ключ, – устало подсказал Кантор, видя, как разволновался бедный старый музыкант.

Вот, опять о том же... Вчера Виктор, кажется, упоминал, что намерен как следует напиться, чтобы забыть о виденном воочию Повелителе. И можно смело спорить на дюжину бутылок холодного пива в похмельное утро, что как раз об этом он не забыл. Зато напрочь забыл о Канторе и обо всем, что с ним связано.

– Ах, ну тогда я ей сейчас позвоню...

– Нет-нет... Подождите... Не сейчас. Можно немного попозже?

Не хватало еще показываться перед этой малолетней язвой в таком неприглядном виде! И дело даже не в том, что она непременно скажет все, что подумает. Дело в том, что скажет она чистую правду, на которую нечего будет возразить.

Кантор даже согласился с внутренними голосами: ради того, чтобы отсрочить свидание с беспощадной кузиной, он готов был на любой подвиг. В том числе поднять себя с дивана, вспомнить вчерашние инструкции касательно денег и сходить все-таки за пивом.

Мафей поднял пистолет, начал целиться, поймал себя на том, что неосознанно пытается придать своему лицу то великолепно-непроницаемое выражение, с каким упражнялся в стрельбе кузен Шеллар, тут же устыдился, сердито закусил губу и в результате выстрелил, практически не целясь.

Фантом, несомненно изображавший Повелителя, только ради душевного спокойствия Жака – одетого, с почти неслышным чмоканьем пропустил сквозь себя пулю, обрисовав святающей дырой место попадания. Такое попадание не причинило бы вреда реальному Повелителю, даже если бы он был живым и смертным.

Мафей тихо ругнулся по-мистральйски.

– Так тоже не работает... – сделал вывод Жак, ощупывая нечто невидимое глазу между стрелком и мишенью. – Может, мы зря взяли за основу классический метод? Может, надо было что-то принципиально новое придумать?

– Может... – проворчал принц, зачем-то оглянувшись на дверь. Наверное, все никак не мог успокоиться, что придворные маги опять уединились для обсуждения каких-то глобальных проблем, а его, как всегда, не позвали. – А мы точно посчитали исходные данные? Скорость полета, силу удара, все, что с цифрами связано?

– Слушай, за кого ты меня держишь? Я что, по-твоему, с радаром стоял и скорость мерил? Я попросился у мэтра Альберто слазить в Мегасеть и все цифры взял из справочников на сайте по старинному оружию.

– А если у вас оно было не такое?

– Уверяю тебя, уж точно не слабее. Я специально с запасом взял. Нет, тут вся хрень в структуре щита. Не годится классика, говорю тебе. Если бы проблеме можно было решить, просто усилив что-то уже известное, тот же мэтр Хирон еще несколько лет назад такой щит создал бы.

Мафей аккуратно отложил оружие и критически оглядел фантом. Действительно жаль, что нельзя его, как Элмар когда-то мечтал, мечом рубануть или отпинать ногами...

– А что тогда?

– Ну давай для начала подумаем над основным принципом. Супертвердость, чтобы отскакивало, или супервязкость, чтобы, соответственно, застревало?

– Да надо оба варианта по очереди проработать. Эх, знать бы, не работали ли над этим вопросом мэтр Истран или мэтр Хирон и не осталось ли у них каких-нибудь записей...

– Разве что о том, как у них ничего не получилось, – хмыкнул Жак. – Тоже по-своему полезно было бы – узнать, какие гипотезы уже отработаны и признаны негодными... Но ничего такого у нас нет, так что давай начинать заново, с чистого экрана.

Одним коротким жестом развеяв фантом, Мафей принялся собирать патроны и укладывать в специальный ларец пистолет, любезно предоставленный его величеством Элвисом в придачу к тиру. Для теоретических изысканий экспериментальный полигон не требовался – достаточно тихого кабинета и удобного кресла... Да, кстати, кресло – это было бы самое то...

Сегодня Мафей впервые попробовал встать на ноги и, похоже, переоценил свои силы. Хотя кости уже срослись, отвыкшие от работы мышцы плохо слушались и быстро уставали. Пожалуй, рано он решил, что нужда в левитации или костылях отпала и можно свободно передвигаться на своих двоих. С другой стороны, попробуй он стрелять, висая в воздухе, его бы просто снесло отдачей...

– У тебя идеи есть? – поинтересовался он, все-таки взлетая на несколько пальцев над полом.

– Насчет щита? Пока никаких. А что?

– У меня тоже. А насчет чего-нибудь другого?

– В смысле?

– Ты же не просто так уточнил, правда?

– Ну поймал, поймал. – Жак грустно улыбнулся и поднял ларец с оружием. – Насчет «чего-то другого» – есть. Но об этом я хотел перекинуться парой слов с нашим другом Морковкой, а вы, чародеи скоропалительные, уволокли меня оттуда, не приводя в сознание.

– А что конкретно ты хотел с ним обсудить и почему об этом нельзя посоветоваться со мной?

В голосе Мафея слышался очень явственный намек на то, что от друга он ожидал несколько большей откровенности и дальнейшая скрытность может быстренько уравнивать его с зазнавшимися взрослыми, которые не зовут юного принца на всякие важные совещания, хотя ничуть не стесняются использовать как телепортиста.

Жак тяжело вздохнул:

– Ну как ты думаешь, у самого рыжика могут быть тайны, которыми он просто не может поделиться с тобой и прочими магами?

– А с тобой – может?

– А со мной и не надо.

– То есть ты сам догадался? А это правда важно? Может, нам стоит потихоньку смотаться туда, пока почтенные мэтры заняты делом?

– С тобой вдвоем? Нет уж, уволь, я не умею, как мэтресса Морриган, голыми руками крокодилам хвосты отрывать.

– Ерунда, я умею. К тому же я необязательно должен промахнуться. А ты можешь объяснить, в чем дело, не раскрывая чужих тайн? Например, чем это может быть полезно?

– Например... вот мы тогда так и не придумали, как попасть в Первый Оазис...

– А! Я понял! – Мафей на радостях подпрыгнул, позабыв, что уже не стоит на твердой земле, и стукнулся макушкой о потолок. – Ты о том, что у Морковки в подвале такой же тайник, как в камерке мэтра Альберто, и там есть телепортационная машина!

– Умница, – еще тяжелее вздохнул Жак. – Шеллар бы тобой гордился. Ты-то как догадался?

– Во-первых, я чувствовал, что Вик меня постоянно где-то в чем-то дурит, – охотно поделился ходом своих рассуждений довольный Мафей. – Я же эльф, я такие вещи чувствую. Во-вторых, он часто уходит из дому, и я из любопытства весь этот дом обшарил. У него в подвале есть потайная дверь, которую я не смог открыть, да и обнаружил только с помощью магии. Фонит оттуда. А в-третьих, что у него может быть такого секретного, о чем ты мгновенно догадался, а кроме тебя – никто?

– М-да, все-таки не зря тебя наставник думать учил. Научил, на мою голову.

– И ты молчал! Нет, я понимаю, трепаться во всеуслышание о чужих тайнах нехорошо. Но ты один знаешь способ решения самого важного сейчас вопроса, над которым сломали головы все знакомые маги, и ты отказываешься поговорить с Морковкой только потому, что струсил телепортироваться со мной? Жак, нельзя же настолько бояться всего на свете! Я прыгал по мирам один, сидя в кресле, и никто меня там не съел!

Жак тоскливо оглянулся, как будто кто-то невидимый в пустом тире мог ему помочь отвязаться от назойливого мальчишки с его самоубийственными идеями.

– Ну не все так беспросветно, – неуверенно сообщил он. – Вполне возможно, что мэтр Вельмир тоже догадался...

– Откуда бы об этом догадался мэтр Вельмир, который триста лет неизвестно где находился? Кстати, он тебе не говорил, где именно?

– Нет, он от этого вопроса всячески увиливал. Сказал только, что не нуждается в подробном изложении всего, что произошло за эти триста лет, и заверил, что он их не проспал. И так, из разговоров, я понял, что он был где-то недалеко. Он полностью в курсе всего, что сейчас делается в мире. Но я, собственно, имел в виду другое. Морковка сам в его присутствии сболтнул лишнего.

– А именно?

– Когда мы смотрели на Кантора, он вскрикнул вслух, что это, дескать, его квартира. В другом мире, ага. Не мог же мэтр этого не заметить, как ты думаешь?

– Но он мог не понять, что это значит!

– Ты его недооцениваешь. Он умнейший человек. И готов спорить, он только дожидался момента, чтобы, как и я, поговорить с Морковкой наедине.

– Готов? Тогда спорим. И если ты не угадал, мы с тобой обязательно туда наведаемся, тайком от прочих магов, и сами поговорим!

– А как мы узнаем, угадал ли я?

– А вот завтра мэтресса Морриган собирается навестить мэтра Вельмира и узнать, как у него дела. Со мной, разумеется. И если к нашему прибытию вопрос еще не будет решен – вот тут-то нам и придется действовать самим.

- Ладно, а если я угадал?
- Я уговорю их, чтобы не брали тебя с собой, когда отправятся с визитом к Скаррону.
- А если не сумеешь уговорить?
- Сделаю так, что тебя придется оставить по состоянию здоровья.
- Постой-ка, не собираешься ли ты переломать мне руки-ноги?
- Да ну, – рассмеялся Мафей, – что ты паникуешь по поводу и без? С тебя и насморка хватит. Кто ж возьмет с собой на такое задание постоянно чихающего и кашляющего товарища?
- А если мэтр Вельмир меня вылечит?
- Жак, ты иногда потрясаешь своим невежеством! Простуда магией не лечится! А аллергия лечится долго и трудно!
- Ладно... – Очередным вздохом Жака можно было с уверенностью зашибить насмерть тролля. – Договорились.

Маленькая кузина не сказала ничего, но смотрела так, что Кантор готов был провалиться сквозь землю. Видят боги, он никогда не считал пьянку в хорошей компании чем-то недостойным и неподобающим, но под взглядом сопливой девчонки отчего-то не знал, куда девать глаза. Мысли похмельного товарища опять же по непонятной причине вертелись вокруг его собственной персоны и непотребного вида оной, хотя он и не имел привычки циклиться на таких вещах. Ему казалось, что все встречные прохожие и пассажиры трамвая смотрят исключительно на его помятую одежду, в которой он нынче спал, и на его опухшую физиономию с красными глазами. Смешанный запах перегара и пива преследовал его, как отряд ночной стражи незадачливого воришку, воспоминание о вчерашней, пусть и не состоявшейся, драке заставляло сгорать со стыда.

Разумом Кантор понимал, что естественными такие чувства быть никак не могут. Он даже вспомнил первую встречу и тот непонятный противоестественный страх, который заставил бывшего бойца растерянно попятиться под взглядом девчонки. Магического воздействия он не чувствовал, но это ни о чем не говорит – папина родня всегда была далека от классической магии. Нахалка явно чем-то воздействует на необразованного пьяницу, это он понимал, но понимание никак не помогало избавиться от наведенного или внушенного раскаяния.

- Саша, – наконец не выдержал он, – перестань.
- Что перестать? – невозмутимо поинтересовалась кузина, и ее глазки вмиг обрели выражение младенческой невинности.
- Прекрати меня стыдить.
- Разве я что-то сказала?
- Я такой же шархи, как и ты, и прекрасно слышу то, чего ты не говоришь. Кстати, ты мне соврала, что не знаешь своего дара.
- Ну не на людях же, дубина!
- Хорошо. Я подожду. Расскажешь дома. А сейчас – прекрати.
- Да я уже давно прекратила!
- Тогда почему?.. – Он не стал договаривать, так как в трамвае они действительно не одни, а постороннему человеку вопрос показался бы идиотским.
- Просто подожди, пока не пройдет. А почему – тоже объясню дома.

Дома... О боги, ведь сейчас она войдет в этот самый дом и обнаружит там последствия суровой мужской попойки! На кухне объедки, бутылки, стол в жирных пятнах и потеках соуса, да и пол не лучше – помнится, он бросал куски для кошки прямо на пол, а потом еще и поскользнулся на них... А в комнате разворочен шкаф, вещи ровным слоем по полу и дивану, гитара с рваными струнами... А если кошка в его отсутствие еще и нагадила где-нибудь... Тьфу ты, да что это с ним, в самом деле! Лучше б дорогу запомнил, болван!.. Можно было бы

навещать старого маэстро и, возможно, в один прекрасный день встретиться все-таки с неуловимым Толиком...

– Выходим.

Кантор с некоторым облегчением выпрыгнул из трамвая. Хотя он верил в безопасность местного транспорта, эти огромные, зловеще шуршащие повозки его нервировали. Прыгнул он немного неудачно, пришлось беспомощно махать руками, восстанавливая равновесие, и мысль том, что он позорится перед всем честным народом из-за вчерашней пьянки, не замедлила посетить его похмельную голову. Кантор скрипнул зубами, злобно заверил ни в чем не повинные внутренние голоса, что ему ни капельки не стыдно, и переключился на виновницу своих страданий:

– Ты не только о своем даре соврала. Про бабушку почему ничего не сказала?

– Я тебя вообще ни с кем из родни не собиралась знакомить, – огрызнулась малявка. – Почему претензии именно насчет бабушки?

– Это ты сама так решила или папа сказал?

– Папа о тебе даже узнать не успел.

– Мой папа, – уточнил Кантор.

– Твой папа просил вообще тебя из дому не выпускать. Только дядя Витя этого не знал. Чего ты так распахивался? Это у тебя такая обратная реакция?

Кантор нахмурился:

– У меня такая реакция на все, что мне не нравится. И это естественная реакция для любого человека.

– Нет, только для неуравновешенного. Мало ли что кому не нравится, это не повод на людей бросаться.

– На тебя пока никто не бросался. Но объяснений я все же жду.

– Послушай, дядя Макс мне тоже ничего не объяснил. Они же все со мной как с ребенком обращаются! Увидишься с ним – сам спросишь.

– Спрошу, можешь не сомневаться. А все остальное? Что это было? Тоже эмпатия, только направленная?

– Нет... – Малышка сосредоточенно уставилась на свои ботинки, словно вдруг озабочилась, как бы не ступить в лужу. – Это немножко другое. Пробой восприятия.

– Никогда не слышал.

– Ну вот, например... Помнишь, я тебя напугала тогда, на кладбище? Ну как ты думаешь, если обычная сопливая девчонка грозно посмотрит на взрослого дядю, сильно он испугается? А я могу пробивать восприятие до самых чувствительных точек в подсознании. Причем инстинктивно, я этих точек даже не вижу и не представляю, чем вообще можно было испугать тебя.

– Справедливости ради должен сказать, не особенно ты меня испугала. Удивила скорее.

– Во-первых, я не очень и старалась. А во-вторых, ты смелый человек. Настин Брыль меня тоже не слишком-то боялся, просто инстинктивно старался держаться подальше. Зато видел бы ты, что творится с педофилами...

– Они что здесь, стаями ходят? – Кантор от растерянности даже споткнулся на ровном месте.

Саша невесело и не по-детски ухмыльнулась:

– Меня же все знают. Я же уникальная медицинская аномалия. С виду ребенок, а по документам уже не считаюсь малолетней. Вокруг меня одно время и вправду ходили стаями. А потом мне надоело их пугать, и я одного все-таки прокляла.

– И что?

– Стаи поредели и перешли в пассивный режим.

– А тот, проклятый?

– Ушел в монастырь. – Девчушка озорно хихикнула. – Он же не знал, что я пошутила.

Впереди показался знакомый магазин, где они с Виктором покупали водку, а за ним высился еще более знакомый дом. Кантор оглянулся, запоминая дорогу до остановки.

– Тебе никогда не приходило в голову использовать свой дар на Насте? Например, отучить ее бояться всего на свете?

Кузина вздохнула:

– В том-то и беда, что у меня пробой только негативный. Я могу испугать, пристыдить, рассердить, поссорить, унижить, заставить завидовать, а вот хорошего чего-нибудь... – она развела руками, – не дано. С Настей мой папа занимался.

– Настолько безнадежный случай?

– Сейчас она еще ничего, в меру. Помню, после смерти Жака она боялась к компу подходить. А потом был период, когда она до дрожи боялась мужчин.

– На то была такая же веская причина?

– Ага.

– Я бы с удовольствием познакомился с этой причиной и поговорил по душам.

– Это вряд ли.

– Ты и там успела отметить со своей любовью к проклятиям?

– Я хотела, но папа просек.

– И что, сделал это сам?

– Нет, у него с некоторых пор с этими вещами проблемы... Дир на него до сих пор дует, а Эйдем так и норовит наложить лапу, на вот столечко ошибешься с мерой должного – и спутаешь лики...

– Можно понятнее?

– Ладно, забудь. Чтобы тебе было понятно, это надо изложить все о двуликих богах с самого начала, а мне сейчас не до того. Будет время – попросишь дядю Макса... В общем, папа не стал сам связываться с проклятиями, потому что ему нельзя, он дядю Макса попросил. Дядя отмеченный, ему достаточно воззвать к Эрале и предъявить вопиющее непочитание, а уж она позаботится, чтобы Справедливый сам взвесил и отмерил.

– И что получилось? – Это Кантор спросил уже из чистого любопытства. Не каждый день малышка пускается в такие откровения, грех не воспользоваться.

– Мы так и не узнали. Пропал человек, как и не было.

Саша остановилась, не доходя до подъезда, и пристально посмотрела в окно первого этажа. Занавеска стремительно опустилась, и тень соседки шарахнулась от окна в глубь комнаты.

– А говоришь, я соседей пугаю, – не смолчал Кантор.

– Ты их действительно пугаешь. – Когда она говорила с умным видом о серьезных вещах, то начинала поразительно напоминать юного Доктора из Лабиринта. – Ты выглядишь неприлично, смотришь мрачно, ведешь себя агрессивно. Вот люди и пугаются. А я ее просто пристыдила. Как тебя.

– Неправда. Большинство не пугается.

– Напугать меня или дядю Витю – это надо сильно постараться, – хохотнула Саша, прикрывая за ним дверь. – Да и дедушка с его непрошибаемым пофигизмом тоже не лучший кандидат в перепуганные. А вот соседка тебя боится. И Настя тоже.

Кантор двинулся вверх по лестнице и опять вспомнил про разгром в квартире.

– Ты зайдешь? – неуверенно поинтересовался он, надеясь, что эта ходячая укоризна откажется.

– Зайду, – хитро сверкнула глазами девочка. – Но не надейся, что начну тебе помогать в разгребании той помойки, что вы развели с дядей Витей.

– Раз уж пошел такой разговор, может, заодно и в телепатии сознаешься? – Кантор взялся за перила. Он уже знал, что такое лифт и как им пользоваться, но предпочитал обычные ступеньки. – Или ты просто уже заходила?

– Нет, – засмеялась кузина. – Все еще проще. Я давно и хорошо знаю дядю Витю.

Об этом Кантор как-то не подумал.

Упомянутая «помойка» на деле оказалась не столь страшна, как чудилось под магическим взглядом маленькой ведьмочки. Очистка стола заняла пару минут, протереть пол – еще пяток, а там и чайник вскипел. В такое утро никак нельзя без кофе, опять же – дама в гости зашла...

Маленькая девочка с трогательными куцыми хвостиками и ровно подстриженной челочкой сосредоточенно размешивала сахар в чашке, скромно опустив глазки, и сейчас, спрятав свой жутковатый взрослый взгляд, казалась обычным ребенком, беззащитным и безобидным.

– У меня начинаются каникулы, – вдруг сказала она, не поднимая глаз. – На каникулы я всегда уезжаю к родне на Бету. Я... Мне надо там показываться. Как можно чаще. Это связано и с обучением, и с моим... – Она неопределенно взмахнула руками. – Ну дядя Витя ж тебе, наверное, рассказал... Вот из-за этого и приходится все время бегать по храмам и проверяться – не случилось ли каких перемен. К худшему или к лучшему. Ненадолго, всего на неделю. Пока меня не будет, я попросила Настю за тобой приглядеть. Так что ты уж, будь добр, не пугай ее всякими охотничьими подвигами и разговорами о расчлененке в ванной. Пожалуйста. Она и так до сих пор от Брыля не отошла. К тому же Настя становится гораздо смелее, когда мы вместе, а без меня...

– Это у них что, семейное? – не удержался Кантор и в ужасе чуть не прикусил язык. Боги, надо же быть таким придурком, ведь вроде уже и не пьян...

Саша вскинулась всем телом, устремив на болтливого кузена пронзительный недетский взгляд. Зыбкий образ беззащитной девочки рассыпался, как мозаика из песка.

– Значит, мне не показалось, ты в самом деле знал Жака, хотя вы жили в разных мирах и не могли видеться. Объяснишь?

Выкручивайся теперь, пьянь бестолковая... И как-нибудь так, чтобы не соврать, а то ведь... родственнички...

– Не знал, – поправил он. – Знаю. Господин королевский шут до безумия боится покойников, а от вида крови падает в обморок. Меня он тоже поначалу боялся.

Кузина замерла с приоткрытым ротиком, затем восхищенно выдохнула:

– Ну какая же он зараза!

– Кто, Жак?

– Дядя Макс! Ведь он все знал с самого начала! И вместо того чтобы сказать, морочил нам головы такими туманными намеками, что я думала... Вот ведь хрыч старый!

– Больше я тебе ничего не стану рассказывать, – торопливо предупредил Кантор. – Главное ты знаешь, а подробности – это лишнее. Ты все равно никогда его не увидишь...

Взгляд девочки Саши на пару секунд замер, остановившись где-то над правым ухом собеседника, точь-в-точь как это бывало с его величеством Шелларом в момент озарения, затем она усмехнулась и уверенно изрекла:

– Увижу.

– В самом деле?

– И я уже знаю как.

– Очень за тебя рад. – Кантору было весьма любопытно, что за гениальная идея посетила эту милую головку, но продолжать скользкую тему посмертного существования Жака он не решился. – А скажи-ка, Настя знает, где живет твой дедушка?

– А тебе зачем?

- Я хотел бы навестить его еще раз. Желательно, когда в доме не будет оравы юных дарований, которые меня раздражают.
- Я сама тебя отведу, потом, когда приеду. Не надо напрягать Настю.
- Хорошо. И еще вопрос, пока ты не уехала. Где здесь можно купить струны для гитары?

Долгожданная столица, которая целую луну являлась Ольге в снах в образе огромной ванны с горячей (ну ладно, теплой) водой, куска благоухающего мыла и мягкого домашнего халата, на деле началась с патруля на пригородной дороге. После долгих переговоров, сопровождаемых страдальческими причитаниями дон Мигеля о полуголодном существовании и немислимых расходах на корм для цирковой живности, строгое указание «не пущать всяких неблагонадежных» трансформировалось в «мы никого не видели» всего за два золотых вместо запрошенных пяти. Ольга, не в силах дожидаться момента, когда доберется домой, готова была, не торгуясь, отдать все десять и возместить их потом втрое, но вмешиваться в высокое искусство не решилась.

Обычно цирк выступал в окраинных кварталах, и затащить спутников в город, где все так дорого и такие злые стражники, стоило большого труда. Несмотря на уверения Ольги, что в ее квартире достаточно места для всех, даже Пако при желании можно впихнуть хотя бы на ночь, а при доме имеется конюшня и сарай для карет, дон Мигель отчаянно настаивал на том, что лучше переночевать, как обычно, в фургоне и поесть вчерашних пирожков, чудом спасенных от Шарика. Но свое слово сказала мадам Катрин, и к вечеру цирковой фургон, протиснувшись узкими улочками Лоскутного квартала, неторопливо подкатил к воротам вожденного дома.

Ключей у Ольги, разумеется, не было, поэтому она поступила, как поступил бы любой жилец, потерявший ключи по неосторожности, по пьянке или по вине городских карманников, – постучала к хозяину.

Увидев свою жилищу живой и здоровой, хотя и в непрезентабельных лохмотьях, хозяин переменялся в лице и сделал попытку захлопнуть дверь, но Ольга успела вставить в щель сапог и поинтересоваться таким к себе отношением. В ответ ей продемонстрировали сначала три различных знамения трех разных религий, а затем оберег от нежити, пузырек предположительно святой воды и сосновую ножку от табуретки, которую сгоряча попытались выдать за осиновый кол.

– Вы мне еще свое столовое серебро покажите, – обиделась Ольга, сообразив, в чем дело. – С какой вдруг радости вы решили, что я умерла?

– Так ведь... слухи доходили... – Почтенный домовладелец устыдился так наглядно, что у Ольги тут же возникли подозрения касательно сохранности ее имущества.

– Но вы же не хотите сказать, – вкрадчиво начала она, – что на основе этих непроверенных слухов сдали мою квартиру другим жильцам, предварительно присвоив все мои вещи? Ведь нет?

Хозяин опасливо стрельнул глазами на безмолвную громаду Пако, который, вежливо помалкивая, высился за Ольгиной спиной, и с жаром заверил, что никогда бы себе подобного не позволил, он ведь честный человек! То есть квартиру он, конечно, сдал – ведь срок оплаты закончился две недели назад, а ожидать, что покойные жильцы туда вернутся и внесут просроченный платеж, было бы неразумно, – но ни единой вещички он и пальцем не тронул! Напротив, предупредил Ольгиных друзей – маэстро Юста и маэстро... как же его... словом, они все собрали и перевезли в пустующий дом господина Жака, а потом и сами туда переехали. Поскольку господин тоже пропал, а зачем же снимать квартиру, если есть пустующий дом...

Высказав все, что она думает о безмозглых сплетниках, а также о тех, кто их слушает, расстроенная донельзя Ольга поплелась к родному фургону, где ее дожидались друзья. Если рассуждать здраво, домовладельца не в чем было винить – не держать же вечно под замком квартиру покойных жильцов, – но Ольга все равно разозлилась так, что готова была разнести

по камушку этот самый дом. И не потому, что не нашла там своих вещей и не добралась до ванны, а потому, что сейчас ей придется вернуться к людям, которых она пригласила в гости, и объяснять, почему им надо разворачиваться и убираться отсюда.

Как это объяснить, она так и не придумала, поэтому объяснять ничего не стала, только прыгнула на козлы рядом с Хулио и махнула рукой, показывая направление.

Дверь ей открыла почему-то сестренка маэстро Тарьена, дико взвизгнула и в точности повторила действия домовладельца. На этот раз Ольга не успела придержать дверь, поэтому опять в нее заколотила, требуя открыть и не валять дурака, а то сейчас эта дверь вылетит к едреным демонам!

Внутри произошло некоторое шевеление, и дверь опять отворилась. На этот раз на переговоры с восставшей из гроба подружкой вышел Юст. Отважный драматург едва держался на ногах и источал убийственный аромат спиртного, чем, видимо, и объяснялась его невероятная смелость.

– Вы в своем уме? – накинулась на него Ольга, для верности попросив придержать дверь верного Пако, который в любом случае был надежнее ее сапога. – Чего вы визжите и шарахаетесь? Я возвращаюсь домой, целую луну протаскавшись по дорогам, а вместо ванны и теплой постели получаю рассказы о своей безвременной кончине и толпу перепуганных мракобесов со святой водой!

Юст, немного опомнившись, застенчиво спрятал за спину серебряную вилку и одновременно попытался развести руками. Получилось не очень.

– Есть тут кто трезвый? Помогите Хулио распрячь лошадок и покажите, куда их поставить. И фургон надо в гараж... тьфу... ну ты меня понял, да?

– Тарьен трезвый, – отрапортовал драматург. – Почти совсем.

– А где мои вещи? Вы их правда сюда перетащили?

– Там... – неопределенно кивнул Юст, отступая от двери. – В сундуках...

– Отлично. – Ольга повернулась к фургону и приглашающе махнула рукой. – Мадам Катрин, Инес, заходите.

Мимо нее с радостным гавканьем пронесся Шарик, узнавший родимый дом, где столько вкусного было сожрано и сколько занятого погрызено. За ним с интересом устремились цирковые собаки, изрядно обогнав хозяев.

Ольга поймала за палец стеснительного Пако и решительно потащила за собой. Что-то ей подсказывало – ее старые друзья и друзья новые быстро перезнакомятся и найдут общий язык и без нее, но вот тролля надо представить во избежание недоразумений.

А потом – в ванную! И ужинать!

Только тут она сообразила, что ни естественный запах тролля, ни самогонный перегар, ни табачный дым в насквозь прокуренной комнате, ни аромат подгоревшей еды с кухни не вызывают у нее никаких посторонних ощущений и не в силах отбить зверского желания что-нибудь сожрать! Или кого-нибудь, после трех месяцев полуголодного существования это уже не имеет значения... Господи, неужели это мерзкое состояние наконец закончилось и можно нормально поесть, не давясь каждым куском и не опасаясь, что через пять минут все съеденное окажется на дороге?

В гостиной обнаружилось еще человек десять, в основном знакомые из театра, но двух подозрительных девиц Ольга совершенно точно видела впервые.

– Юст?! – угрожающе спросила она и даже сама себе удивилась – до того внушительно это прозвучало. – Вы что, *все* здесь живете?

– Нет-нет, – торопливо отчитался Тарьен, отличавшийся повышенной чувствительностью к наездам. – Здесь живем только мы... то есть я с семьей, Юст и Бандерасы. А остальные просто в гостях.

– Как вам вообще пришла в голову такая идея?

– Что касается нас... то есть меня и мамы... к нам пришла вовсе не идея, а какой-то незнакомый господин, который принес странное письмо, якобы от Жака, с просьбой поселиться здесь и присмотреть за домом. И еще какие-то документы... доверенности... договора... не помню уже... Мы посоветовались с Лукасом, и он сказал, что все в порядке...

– А остальные? – продолжала допытываться Ольга, пытаясь одновременно понять, чьих рук это дело и какого уровня должна быть подделка, чтобы Лукас ничего не заметил.

Новый бухгалтер театра, сменивший безвременно уехавшую Зинь, поступил к ним по рекомендации лично господина Пуриша и поводов сомневаться в своей квалификации до сих пор не давал, несмотря на юный возраст. Но любая бумага, якобы подписанная Жаком, могла быть только поддельной, ведь сам Жак сейчас в лучшем случае томится в подвалах департамента Безопасности и никаких писем рассылать не может...

– Юст первым сообразил, что таким образом можно сэкономить на квартплате. И переехал сюда вместе с твоими вещами. На следующий день притащили узлы и инструменты близнецы, которых как раз выселили за неуплату.

– Странно, что на этом великое переселение экономных бардов закончилось, – не удержалась от колкости Ольга. – И как это вы не перебрались сюда всем театром?

– Ничего странного, – флегматично поведал Луис Бандерас. – Когда эта бедная больная женщина увидела, что количество жильцов в доме увеличивается с каждым днем, она... э-э-э... рассердилась. Это было стихийное бедствие, божья кара и нашествие варварской орды в одном лице. В общем, кто не успел, тому не повезло.

– Ну что ж, – решительно заявила Ольга, – теперь здесь буду жить еще и я. Потому что мне совершенно некуда податься со своими сундуками, к тому же я пригласила в гости этих замечательных господ, которые фактически спасли мне жизнь и которых я хочу подобающе отблагодарить.

– Но где? – забеспокоился Хуан.

– Вот этим вопросом вы и займетесь, пока я буду купаться и разбирать свои вещи. И если за это время вы не найдете места несчастной бездомной беременной женщине, то я поселюсь вот здесь, в гостиной, предварительно очистив ее от следов вечного праздника, который вы тут развели. Отдельная комната для попоек – это явное излишество, и без нее вы как-нибудь обойдетесь. Где эти самые сундуки?

– В чулане, – растерянно подсказал Юст.

– Отлично. Я пошла туда, а вы пока познакомьтесь, помогите гостям расположиться на ночь, приготовьте что-нибудь поесть, если понадобится – сбегайте за продуктами... И если кто-то посмеет обидеть Пако идиотскими анекдотами про троллей или тупыми вопросами – получит по шее от меня!

Первые секунд пятнадцать после того, как за ней закрылась дверь, в гостиной стояла тишина. Потом кто-то – кажется, Луис – вслух поинтересовался:

– Ну и кто первый сказал, будто ее съели тролли?

– Не помню, – отозвался его брат. – Но кто-то явно все перепутал. Это она их съела.

– Лучше подумайте, где мы ее поместим, – напомнил Юст. – Кабинет-то мы так и не смогли открыть... А на втором этаже... то есть на третьем... в общем, там пустых комнат больше нет.

– Что за дурацкий вопрос! – возмущенно перебил его Тарьен. – Ты же не предложишь даме спать на полу или выгнать из спальни мою матушку? А кроме спальни кровать есть только в комнате для переселенцев. Поэтому я переберусь к тебе, а эту комнату оставим Ольге. Гостей можно разместить здесь, в гостиной. Собак выгоним на кухню...

– А тролля куда?

– Не на улицу же! Найдем куда... Лучше поищи, что у нас есть покушать. Люди с дороги, голодные, наверное...

– Господа, – вмешался в разговор дон Мигель, – вовсе незачем так беспокоиться о еде, мы вот сейчас сбегает... Где тут поблизости продают пирожки с потрохами и пиво?

– Отставить пирожки! – Командный голос мадам Катрин заставил всех содрогнуться и частично протрезветь. – Где здесь кухня? Где дрова? Где можно набрать воды? Что есть в доме из продуктов? Инес, живо сбегай принеси из фургона сало! А вы, два бездельника, разгрузите вещи и занесите в дом! Пако, помоги им и проследи, чтобы под шумок не улизнули и не наладились опять!

Ольга невольно хихикнула, представив себе лица нетрезвых бардов, внимающих сейчас грозной мадам. Да уж, если им Тарьенова мама показалась божьей карой, что они скажут, столкнувшись со стилем руководства старой дрессировщицы?

Но еще более интересным показался ей другой вопрос, над которым она и задумалась, продолжая раскапывать набитый сундук с одеждой. Что творится с ней самой? Тогда, у виконта Бакарри, это была словно какая-то другая женщина... Такая... такая, какой Ольга частенько мечтала быть, но никогда не была! Теперь вот сегодня... Ведь она никогда не умела, да и не испытывала желания командовать людьми и строить всех, как это делают Кира или мадам Катрин! А если вдруг такое желание и возникало из-за усталости, обиды или испорченного настроения, получался из этого максимум безобразный базарный скандал. Но чтобы ее вдруг взяли и послушались – это уже выходило за рамки привычного мироустройства!

По закону подлости халат нашелся на самом дне, а полотенца и вовсе в другом сундуке. Впрочем, ей вряд ли стоит жаловаться на судьбу – друзья могли запросто раздарить ее вещи своим подружкам или распродать по причине нехватки денег на выпивку, и остается только порадоваться, что до этого не дошло. Лежавшие в ящике стола наличные они, конечно, исправно пропили за упокой ее души, тут и гадать нечего, но бог с ними, чай, не последние. Завтра можно сходить в банк... Не могли же в серьезной конторе закрыть счет только на основании слухов о смерти клиента! Кстати, тоже интересный вопрос: откуда поползли эти слухи? Не ходили же Астуриас и Харган по городу, рассказывая на каждом углу, как маэстину Ольгу тролли съели! Скорей всего, дворцовая прислуга разнесла. Кто-то где-то в коридоре краем уха услышал, о чем господа разговаривают, и поползло по знакомым... О, надо будет озадачить ребят, чтобы аккуратно предупредили маэстро Карлоса о ее возвращении. А то мало ли... Вон когда он знакомиться приходил, от одной неуместной фразы болтливового Жака сердечный приступ случился... А тут воскресшая покойница без предупреждения вломится! У бедняги и так, наверное, полно неприятностей, не считая пропажи ученицы и одного из ведущих актеров. Хотя город выглядит спокойным, и вроде все идет своим чередом, и, говорят, ни резни, ни грабежей здесь не было, в отличие от Эгины и Мистралии, но какие-то перемены все равно происходят. Проезжали сегодня мимо храма Бессмертного Барда – так там уже какой-то другой храм, мистики в бело-голубых рясах суетятся, статуи у входа поменяли...

Значит, не забыть: завтра первым делом в банк – ой, хоть бы его не закрыли вовсе! – потом в театр, поговорить с маэстро Карлосом, а потом на поиски. И если Диего, Жак и Мафей до сих пор здесь, начинать думать, что можно сделать, чтобы их вызволить.

О том, что спасти их может быть уже поздно, Ольга старалась не думать. Вернее, изыскивала всевозможные опровержения для этой навязчивой мысли. До недавнего времени получались они хлипкие и шаткие. Но известие о «предательстве» короля, высказанное на днях виконтом Бакарри, придало Ольгиным надеждам твердую опору и основательность. Ни за что, ни при каких железных доказательствах не поверила бы Ольга, что его бывшее величество Шеллар способен переметнуться на сторону врага и бросить в беде друзей. Если он остался здесь, поклонился завоевателям и даже, как говорят, вступил в орден, то только с одной целью – внедриться в логово врагов и уничтожить их изнутри. И если он узнал, что здесь содержатся в плену Жак, Мафей и Диего, его величество найдет способ если не освободить их, то хотя бы сохранить им жизнь. Уж что-что, а вешать лапшу на уши он умеет в совершенстве, опомниться

не успеешь, как проникнешься непоколебимой уверенностью: все именно так, как он сказал, и делать нужно то, что он сказал, потому что так будет лучше всего! Для этого даже необязательно быть таким лопухом, как маэстрина Ольга, – его величество и куда более хитрых и умных противников успешно обводил вокруг пальца.

Глава 5

*Если мы задумали преступника схватить,
Дорого преступнику придется заплатить!*
Э. Успенский

– Шеллар, только что, за те пять минут, что я шел от парадного входа до кабинета, мне пожаловались на тебя шестеро разных людей по никак не связанным между собой причинам.

Советник не шевельнулся. Безмолвно возвышаясь посреди кабинета, он терпеливо ждал продолжения. Точнее, чего-нибудь конкретного, на что можно будет дать столь же конкретный ответ.

– Чего молчишь?

– Я весь внимание, господин наместник.

Пожалуй, не будь бедный демон так вымотан двухдневным путешествием в самое сердце Белой Пустыни, где, по непроверенным данным, находился один из необходимых Повелителю артефактов, разговор пошел бы совсем в другом тоне. Но сейчас у шефа не было сил орать, чем наглый подчиненный бессовестно воспользовался.

– А сам ты, значит, не догадываешься, где кому насолил, и не хочешь мне ничего объяснить?

– Как вам будет угодно. С чего прикажете начать?

– Например, брат Хольс категорически потребовал оградить его ведомство от твоего грубого вмешательства в текущие дела, иначе он не ручается за результаты. Кроме того, он высказал сомнения в твоей преданности ордену и вслух заподозрил тебя в сочувствии бунтовщикам.

– Клевета, – не мигнув глазом возразил Шеллар. – Как верный слуга ордена, я абсолютно беспощаден к его врагам. Но, прошу заметить, к настоящим врагам, в отличие от некоторых господ, коим в принципе безразлично, к кому проявлять упомянутую беспощадность.

– Ты хочешь сказать, что департамент Чистоты Веры плохо выполняет свою работу?

– Отвратительно, господин наместник.

– Значит, они врагов ордена ловят, ты их моим именем отпускаешь, а потом говоришь, что они плохо работают, а ты, получается, хорошо?

– Именно так, господин наместник. Вы сами-то в курсе, как наши доблестные борцы за чистоту веры свою, с позволения сказать, «борьбу» осуществляют? Вместо того чтобы старыми проверенными методами выявлять вражеских шпионов и пресекать их подрывную деятельность, они решили упростить себе работу. По инициативе того же брата Хольса департамент объявил долгом каждого горожанина доносить о распространителях ереси и прочих неблагонадежных гражданах и посулил за это вознаграждение в размере трети имущества выявленного врага ордена. Что является в корне порочной концепцией и приведет в результате не к искоренению ереси, а к обогащению некоторого количества мерзавцев, не стыдящихся оклеветать соседа ради вознаграждения.

– И ты вот так с уверенностью можешь заявить, что ни одного истинного врага среди них нет, сплошь жертвы клеветы?

– А вы полагаете, сотрудники департамента эти доносы проверяют?

– Конечно, по каждому делу проводится дознание!

– Такое «дознание» любой дурак может провести. Хотите, я в вашем присутствии лично проверю таким же методом самих «дознателей» и наглядно вам докажу, что около восьмидесяти процентов борцов с ересью являются скрытыми врагами ордена, в чем они сами признаются и раскаются?

– Ты что, пока меня не было, тихонько умом двинулся от избытка власти? По-твоему, братья должны всех подозреваемых уговаривать и верить им на слово? Согласно которому они все невинны как новорожденные?

– Нет, конечно. Силовыми методами я и сам никогда не пренебрегал. Но они эффективны только в комбинации с другими, и в первую очередь следует руководствоваться здравым смыслом. А не желанием поскорее отрапортовать вам, сколько врагов было выявлено и как беззаветно трудится департамент. Вы видели их последний... простите, предпоследний рапорт? Помните приведенные цифры? И как полагаете, насколько они реальны? Вы можете не соглашаться со мной в некоторых глобальных вопросах, но вы не можете отрицать, что эти цифры фактически являются приписками и фальсификацией отчетности. И будут таковыми являться и впредь. А вражеские шпионы будут безнаказанно разгуливать по улицам и смущать народ, если у них не окажется во владении имущества, тридцать процентов которого смогут соблазнить потенциального доносителя.

– А ты что бы сделал на их месте?

– Во-первых, установил бы денежное вознаграждение как фиксированную сумму. Преданные верующие должны содействовать ордену бескорыстно, но поскольку их не так много... пусть пока будет. Во-вторых, обязал бы прилагать к доносу хоть какие-нибудь доказательства и учредил бы адекватное наказание за ложные сведения. И в-третьих, господин наместник, я бы работал. Не рапортовал об успехах, коих на самом деле не существует, а разбирался с каждым делом, вникал в детали, докапывался до истины. И взятки бы не брал.

– А что, берут?

– По непроверенным данным, были случаи. Но конкретных фактов у меня нет, так что утверждать не буду. Кто еще вам на меня жаловался? Брат Джареф, насколько я догадываюсь? Судя по всему, он ни словом не упомянул в своей жалобе, что пытался за вашей спиной договориться со мной касательно совместного влияния на вас ради получения дополнительных привилегий? А, напротив, наплел каких-нибудь не вполне правдоподобных гадостей, будучи обижен на мой грубый отказ?

– А ты предпочел бы влиять на меня единолично? – сердито встопорщил крылья наместник.

– Помилуйте, разве я когда-либо просил для себя каких-либо привилегий?

– Хорошо, а этого... как его... все время забываю... мистралийца этого пестрого... зачем публично оскорбил и унизил?

– Я совершенно справедливо указал ему на его недоработки, и, если он счел себя униженным и оскорбленным, – это его проблема. Ваша рука в Мистралии почти луну не может навести порядок даже в столице, не говоря уж о провинциях, где полный хаос и безвластие. Однако почему-то полагает, что его должны за это хвалить.

– Но не в таких же выражениях!

– Поскольку вы изволили поручить мне замещать вас, я пытался по мере сил соответствовать вашему стилю руководства.

– А что, я...

– Разве вы сами никогда не замечали? Более того, я убежден, что, если бы подобная критика исходила от вас лично, да Коста не посмел бы на нее обижаться, а тем паче жаловаться.

– Ну да, жаловаться-то некому... – фыркнул наместник, представив себе, как обиженный мистралиец жалуется на него Повелителю. – А по какому праву ты распорядился наказывать солдат через голову командира? Да еще привлечь к этому делу посторонних?

– Во-первых, поскольку я замещал вас, право такое мне было делегировано. Во-вторых, у меня сложилось впечатление, что командир вовсе не намерен их наказывать. В-третьих, имели место некоторые языковые проблемы. Поэтому для исполнения экзекуции я пригласил

штатных палачей департамента Порядка. Все было абсолютно законно и, на мой взгляд, еще чересчур гуманно.

– Чересчур гуманно? Публично запороть до полусмерти воинов Повелителя?

– Исключительно из уважения к их статусу. Разбойное нападение, грабеж и групповое изнасилование – простому гражданину за такое полагалась бы виселица. Командир Хашеп чем-то недоволен? Я не понял ни слова из того, что он пытался мне сказать, но, судя по тону и по тому, что он вам пожаловался...

– Он задал мне совершенно справедливый вопрос – за что мы воевали?

– Странно. Я полагал – за веру, за Повелителя, за грядущие свершения, а он считает – за право безнаказанно грабить и насиловать? И он не постыдился сказать это вслух, да еще вам, зная о вашей приверженности высоким идеалам бескорыстного служения?

Наместник озадаченно захлопнул пасть.

– Вы уж потрудитесь разъяснить командирам, – как ни в чем не бывало продолжал Шеллар, – что раз уж вы объявили их божьим воинством, они должны хоть немного соответствовать названию. Я понимаю, в соседнем мире проблемы с кадрами, чтобы собрать армию, Повелителю пришлось привлечь в свое войско всех боеспособных мужчин. В том числе всякую шваль, отбросы общества, подонков и уголовников. Но если мы хотим, чтобы их считали небесным воинством, чтобы хоть кто-то в это верил, нам следует приложить некоторые усилия. Если человек выглядит как сволочь, говорит как сволочь и ведет себя как последняя сволочь, никто не поверит в его божественность. И как бы ни старались братья в своих проповедях, истинной веры при таких обстоятельствах нет и не будет. Или надо менять концепцию, или...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.